

II
СТЕРЛИНГ
ФОАС

18+

Боец

С. МАССЕРИ

Freedom. Стерлинг Фолс

С. Массери

Боец

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Массери С.

Боец / С. Массери — «Эксмо», 2022 — (Freedom. Стерлинг Фолс)

ISBN 978-5-04-198645-2

Очнувшись в больнице после пожара, я поначалу испытала облегчение, однако оно довольно быстро сменилось ужасом. Победителем аукциона, где меня выставили, словно какой-то товар, стал самовлюбленный и жестокий предводитель Адских гончих — Цербер Джеймс. И он пришел за мной. Отец Вульфа хочет вернуть ребят под свой контроль и рассчитывает добиться этого, держа меня в заложниках. Но предводитель Адских гончих должен знать, что Вульф, Аполлон и Джеймс не сдадутся просто так. Так же, как и я. Во мне больше силы воли, чем кто-либо из них может себе представить. И Цербер усвоит это на собственном горьком опыте. Я заставлю своих обидчиков пожалеть о содеянном... Если смогу вернуться в Стерлинг Фолс.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-198645-2

© Массери С., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Вульф	6
Глава 1. Кора	9
Глава 2. Кора	11
Глава 3. Кора	16
Глава 4. Аполлон	21
Глава 5. Кора	24
Глава 6. Кора	30
Глава 7. Кора	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

С. Массери Боец

S. Massery
Sterling falls. Book 2. Fighter

© 2022 S. Massery

© Корнейчук Ю., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Вульф

Я заглядываю за край отвесной скалы, чтобы посмотреть на разбивающиеся о нее волны. Белых шапочек волн сегодня больше, чем обычно, а холодный ветер не только обдувает мое замерзшее лицо, пока я стою у обрыва, но и, подхватывая брызги волн, поднимает их вверх. Сердитое небо и низкие темные тучи создают впечатление, что мы пропустили осень и сразу перешли к зиме.

– Неплохое место, чтобы умереть. Тебе не кажется?

Я поворачиваюсь спиной к утесу и смотрю на мужчину, который в ответ на мои слова издает невнятный звук, приглушенный комком ткани, засунутым ему в рот. Белки его глаз желтоваты, прямо в тон зубам, испорченным никотином, а тускло-коричневые радужки продолжают вращаться будто бы в поисках выхода.

– Здесь, наверху, так спокойно. – Я ставлю ногу на его бок, упираясь в ребра, и всхлипы мужчины становятся громче.

– Здесь такой вид и чувствуется привкус соленой воды в воздухе.

Он пытается отстраниться от меня, насколько это возможно, и я смеюсь. Присев на корточки, я хватаю его за лицо и слегка толкаю. Руки мужчины связаны за спиной, а ноги стянуты веревкой от лодыжек до бедер, поэтому, если я столкну его с края, чего он, без сомнения, ожидает, – он либо утонет, либо всплывет. А если всплывет – волны, разбивающиеся о скалы, довершат мое начинание, и по итогу он сможет выжить, если только умеет плавать как русалка.

– Знаешь, почему ты здесь? – Он из-за всех сил качает головой, и я цокаю. – Ты здесь, потому что ты владеешь транспортной компанией, которая работает не на нас. Я все понимаю и всегда всецело ратую за предпринимателей. Но только не тогда, когда вы вторгаетесь на нашу территорию, посягаете на наш бизнес, а затем плюете нам в лицо, сотрудничая с нашими врагами. Это самоубийство.

Мужчина замирает, глядя на меня, и тот слабый огонек, искрящийся надеждой в его глазах, гаснет.

На этот раз я толкаю уже его стул, мужчина падает в траву, лицом вниз, и остается в таком положении. Это ему принадлежит грузовик, который врезался в мой джип. И для меня, черт возьми, не имеет значения, кто был в тот момент за рулем, ведь он даже никогда не заявлял об угоне этого грузовика. К тому же наши люди уже нашли эту машину со спущенными шинами и разобраным двигателем в Саут-Фолсе, но это совершенно другое дело.

– Вот что я скажу тебе, Марв. Я выну из твоего рта кляп, и если ты расскажешь мне все, что я хочу знать, – я не выпотрошу тебя и не скину останки в океан.

Не обращая внимания на то, как он вздрагивает, я вытаскиваю нож и разрезаю веревку, которая удерживала кляп у него во рту в течение последних четырех часов. Он выплевывает ткань и двигает затекшей челюстью. На его щеках остался глубокий искривленный отпечаток, идущий прямо ко рту.

Я бросаю веревку на землю перед его лицом и переворачиваю нож, рукоятка которого издает приятный звук, врезаясь в мою ладонь. Я перенял эту привычку у Аполлона и теперь, кажется, не могу перестать так делать. Мне знакома тяжесть моего клинка, который был моим верным спутником, особенно в последние несколько дней, когда я видел и делал вещи, подтолкнувшие меня к тому, чтобы миновать точку искупления, но я об этом не жалею.

– Не убивай меня, чувак! – молит он, и я усмехаюсь.

– Черт, ты не в том положении, чтобы торговаться.

Я снова хватаю его за волосы и поднимаю голову. Кровь приливает к его лицу, делая кожу красной. Мужик извивается и кричит что есть мочи, но не может вырваться из моей хватки, а я заставляю его встать на колени.

Он уже побежден. Это было предначертано в тот момент, когда он приехал в Стерлинг Фолс.

Я достаю телефон и включаю видео, на котором отчетливо видно не только Кору, но и то, как его грузовик врежется в мой джип. Я сую телефон ему под нос, заставляя смотреть на видео, циркулировавшее в сети почти сутки, прежде чем его удалили. Наскоро смонтированное видео об объявлении аукциона привлекло достаточно внимания, но содержало слишком мало информации для того, чтобы понять, с чего мы можем начать.

Аукцион начался вчера и должен был закончиться сегодня, но перед этим целых пять дней мы прожили в мучениях и в поисках любой зацепки. Я разрывался между надеждой и отчаянием, а в моей голове постоянно крутилась мысль о том, что мы могли пропустить аукцион и Кора просто исчезла. Я не мог найти никаких следов Кору и Кроноса. Не имел ни малейшего понятия о том, куда он ее отвез. Но наконец каким-то чудом Святой смог отыскать тот самый грузовик и его владельца. Даже несмотря на то, что мужик был не настолько глуп, чтобы разместить на грузовике свой логотип, а даже если и был – Кронос все равно все рассчитал и, скорее всего, убрал логотип вместе с номерными знаками.

– Мне жаль, – стонет Марв. – У меня не было выбора.

У нас нет на это времени.

В глубине души я чувствую, как время, отведенное на поиски Кору, уходит, и в порыве несдерживаемого гнева я полосую клинком по груди плененного мужчины. Рубашка на нем лопается, распахиваясь как занавес, и я вижу, что его кожа покрыта оспинами, морщинами и загаром, придающими его коже обветренный вид. Я еще раз полосую ножом, уже по его коже, и на ней выступают ярко-красные капли крови. В моем теле бурлит адреналин, на мгновение заглушающий гнев, и я ослабляю свою хватку на его волосах.

– Куда вы ее отвезли? Я не буду спрашивать во второй раз.

К сожалению, Святой не смог получить доступ к дорожным камерам Уэст-Фолса. Поэтому, после того как мы получили видео с нападением на Джейса и Кору, мы смогли проследить за движением грузовика после случившегося лишь от Саут-Фолса до территории Титанов. По нашим данным, грузовик проехал мимо СФУ и исчез на территории Кроноса. На все остальное нам потребовалось пять дней. Три дня на то, чтобы выяснить, что в тот день грузовик вернулся в Саут-Фолс, еще один день – чтобы найти, где он был припаркован, и следующие двенадцать часов – чтобы найти, где скрывается извивающийся сейчас передо мной мужчина по имени Марвин Кайлен. После пропажи Кору прошло шесть дней, и все эти дни я не сомкнул глаз, ведь Кору не нужно, чтобы я спал, ей нужно, чтобы я нашел ее.

– Ладно, ладно, – быстро моргает мужчина, раскачиваясь из стороны в сторону. – У водохранилища стояла старая часовня. Судя по всему, она находится на стадии реставрации, но я не задавал никаких вопросов. Он сказал, что убьет меня, если я хотя бы открою свой рот.

– Они отвезли ее туда?

Он резко кивает.

Я видел эту часовню, когда был ребенком, и технически она расположена за пределами Стерлинг Фолс. Следовательно, это нейтральная территория, но оказывается, Кронос позволяет себе вольности.

В моей руке вибрирует телефон, и я отвечаю на звонок Святого.

– Все кончено, – говорит он.

Итак, только что наше время официально истекло.

Святой следил за аукционом вместо меня. Вместе с нашим техническим специалистом они прыгали с сервера на сервер, чтобы их не вычислили. Они обрабатывали поступающие закодированные заявки на торги и с относительной легкостью взламывали их. Таким образом, мы видели, кто и в каком размере делал ставки, каждая из которых грозила мне остановкой сердца.

Они предлагают слишком много денег, и одному богу известно, что эти ублюдки хотят от нее за них.

– Кто победитель?

Повисает тишина, оседающая тяжелым камнем в моей груди.

– Святой, кто ее выиграл?

– Твой отец, – наконец признается он. – Они сделали ставку в последнюю минуту и обошли всех.

Я вешаю трубку и смотрю на Марвина сверху вниз:

– Прости, Марв, твое время истекло.

– Но...

Я подхожу к нему сзади и оттягиваю его голову за волосы назад. Его дыхание прерывается от шока, а глаза закатываются. Внезапно страх покидает его, найдя выход, и воздух наполняется кислым запахом, от которого я морщусь нос, прежде чем провести ножом по его горлу.

Из раны на горле Марвина фонтанирует кровь, и мне приходится крепче сжать его волосы, пока он с хрипом делает свои последние несколько вдохов. Минута или две требуется на то, чтобы поток его крови замедлился, стекая по груди, и все это время я не отрываю взгляда от его лица, позволяя части своего гнева уйти вместе с его смертью. Благодаря этому мужчине я не отправился на юг в клуб моего отца и не убил их всех до единого.

Наконец Марв обмякает, умирая своей жалкой смертью.

Бедный ублюдок.

Я подтаскиваю его тело к обрыву и сталкиваю вниз. Врезавшись в воду, оно тонет в ее пучине, и какое-то время я смотрю вниз на поглотившие Марвина волны. Ничего не изменилось. Кору все еще нет рядом, а ярость все еще кипит у меня под кожей, будто живое существо.

По крайней мере, парень умер в месте с хорошим видом.

Глава 1. Кора

Я не хочу умирать.

Складной нож, который дал мне шериф, засунут в единственное место, где я могла его спрятать, – за пояс моих трусиков. У меня кружится голова, но мне удастся придвинуть ноги к одной из своих рук. Хотя я чувствую, что пламя уже обжигает мою кожу, распространилось оно лишь на другой конец комнаты. Если сейчас я буду думать только о том, что сгорю заживо, я потеряю оставшиеся драгоценные секунды. Поэтому я сосредотачиваюсь на потолке и стискиваю зубы, пытаюсь достать нож. Мои руки, так же как и лодыжки, привязаны к стулу, а то, что я упала назад, когда Кронос его толкнул, сильно ограничило мои возможности. Мне требуется слишком много времени, чтобы достать нож, открыть его и разобраться, как разрезать стяжки на моих ногах и руках. Я не могу мыслить здраво, но не могу позволить себе отчаяться. К тому же надо мной довлеет безумный страх перед тем, что если я буду двигаться медленнее, то умру и Кронос победит.

Я смотрю на то, как под потолком клубится темная и густая дымовая завеса. Она опускается все ниже, воздух кажется горячее, и мне становится трудно дышать. Огонь, подпитываемый бензином, уже практически добрался до моей стороны, а языки пламени ни на секунду не перестают лизать стены и долбаные коробки, которых слишком много. Они сложены у стены буквально доверху, а картон, к которому подбирается пламя, скручивается и чернеет.

Наконец стяжки, сковывающие мои руки, со щелчком разрываются. Я молниеносно хватаю свою рубашку спереди и натягиваю ее на свой нос и рот, а затем освобождаю ноги. Мое сердце бешено колотится в груди, угрожая вырваться наружу, пока я откатываюсь от упавшего металлического стула, к которому была прикована, и карабкаюсь к лестнице. Кронос ушел всего несколько минут назад, и возможно, он все еще снаружи, но даже страх перед ним не может удержать меня от попыток выбраться отсюда.

Я хватаюсь за дверную ручку и пытаюсь распахнуть дверь, но она не поддается. Здесь, на лестнице, дым позади меня кажется гуще и, подбираясь ко мне все ближе, он обжигает глаза. Я не убираю рубашку ото рта и носа, но это не сильно помогает. Я чувствую привкус пепла на своем языке при каждом вдохе.

Вы, должно быть, шутите.

Запереть связанную девушку в горящем подвале – это такая дополнительная мера предосторожности Кроноса?

– Помогите! Я здесь, внизу! – кричу я, стуча в дверь.

Я не знаю, кто может меня здесь найти, потому что здание, в которое меня привезли, похоже лишь на место для вечеринок и не более.

Я снова толкаю дверь плечом, и она будто вибрирует, но не поддается. Я бью кулаками по красному дереву снова и снова, пока на меня не накатывает волна головокружения.

Мои попытки выбраться глупы, и они не действуют. Что я действительно должна делать – так это держаться подальше от дыма, а это возможно, только если я спущусь пониже. Я не знаю, какой риск был бы предпочтительней? Столкнуться с дымом или пламенем?

Я смутно вспоминаю об уроках пожарной безопасности, но кроме того, что нас учили остановиться, не поддаваться панике, лечь на пол и перекатываться, я мало что могу вспомнить.

Посчитав, что спуститься вниз будет безопаснее, чем задохнуться от дыма, я поворачиваюсь, спускаюсь на ступеньку ниже, но затем замираю. Уже слишком поздно. Огонь дошел и до нижних ступеней. Тяжело вздохнув, я сажусь на ступеньку, опуская голову между колен. Паника отступает, но меня захлестывает чувство поражения.

У меня же почти получилось.

Я сжимаю закрытый нож и слабо кашляю, стараясь сохранять спокойствие. Мои легкие горят, и все мое тело болит, но я стараюсь продолжать дышать. Остановиться – значит сдаться. Но я явно не могу мыслить здраво, потому что нахожусь в пограничном состоянии между недостатком кислорода и головокружением после удара, который я получила, когда упала вместе со стулом. Мое зрение и без дыма затуманено и расплывчато, а мозг работает совсем вяло, но я не могу не признать, что это конец.

Я ложусь на ступеньку и закрываю лицо руками, съеживаясь. Возможно, это будет не так больно, как я себе представляю? Возможно, все закончится довольно-таки быстро?

Вдруг в момент моего отчаяния надо мной раздается шум открывающейся двери, и воздух, со свистом ворвавшийся в подвал, касается моего затылка и отгоняет от меня дым. Сначала чьи-то руки подхватывают меня, поднимая со ступеньки, а затем кто-то перебрасывает меня через свое плечо. От внезапности я ослабляю хватку на ноже шерифа, который выскальзывает у меня из рук и с грохотом катится вниз по лестнице прямо в пламя.

Мой спаситель, выйдя из подвала со мной на руках, переступает через что-то под его ногами, и я несколько раз моргаю, чтобы сфокусировать взгляд. Он переступил через тело, по всей видимости, того Титана, который сопровождал нас с Кроносом сюда. Во лбу, между глазами парня, я вижу пулевое отверстие. Испугавшись, я начинаю задыхаться, что вызывает приступ кашля, но затем осознаю, что мы уже снаружи. Мой спаситель, а возможно, похититель ставит меня на землю и грубо хлопает по спине, и я, согнувшись в три погибели, продолжаю кашлять, освобождая свои легкие от дыма. Я пытаюсь сделать нормальный вдох, но ощущаю приступ головокружения. Мои ноги подгибаются, но удерживают меня от падения на коротко подстриженную траву, пока перед моими глазами все вращается.

Когда я поворачиваюсь к своему спасителю, он хватает меня за подбородок, заставляя смотреть в другую сторону. Со слезящимися глазами я смотрю на соседний двор, все еще не в силах поверить, что я снаружи. Но даже здесь я могу ощутить исходящий от здания жар. Огонь распространился вверх, и черный дым теперь валит из открытого дверного проема и окон. Дом полыхает, будто он был сложен из спичек.

– Кто ты такой? – спрашиваю я, пытаюсь убрать его руку от своего лица.

Мой голос звучит очень хрипло, после дыма, криков и молчания, в котором я пребывала целую неделю.

– Тебе не нужно об этом беспокоиться. – У моего спасителя глубокий и приятный голос.

Пусть я и не узнаю этого человека по голосу, но это мало что значит. Я хотела бы запечатлеть его лицо в своей памяти. Мне нужно знать, кто меня спас. Кто отважился на убийство, чтобы вытащить меня из этого кошмара. И возможно, если я выберусь, то выясню это.

Наконец мой спаситель, все еще держащий меня за подбородок, медленно отпускает руку, но в следующую секунду краем глаза я замечаю, как что-то приближается к моему лицу. У меня есть только мгновение, чтобы понять, что это было дуло пистолета, врезавшееся мне в висок.

После короткой вспышки боли я падаю в пустоту.

Глава 2. Кора

– Кора Синклер.

Услышав свое имя, я прихожу в сознание. С трудом открыв тяжелые веки, я понимаю, что нахожусь в больнице. Мне легко это осознать, потому что во всех больницах есть что-то одинаковое: стены, освещение, тихие звуковые сигналы.

Когда я пытаюсь слотнуть, что-то мешает мне это сделать, а пытаюсь поднять руку, я нахожу, что прикована к кровати мягкими манжетами, обхватывающими мои запястья. Я дергаю руками, не способная до конца расценить, что, черт возьми, происходит, и мне требуется слишком много времени, чтобы сообразить, что между моими губами торчит трубка. Меня охватывает паника, когда я понимаю, что не могу самостоятельно дышать. Мои легкие расширяются и сокращаются сами по себе благодаря жужжащей машине, которая подает в них кислород. Мне трудно преодолеть свою панику и перестать пытаться глотать и дышать, и отчасти мое желание бороться или сбежать ослабевает. Стоит мне осознать сложность ситуации, как мое внимание переключается на палату, в которой я лежу, и я вижу мужчину, стоящего возле моей кровати, с руками, засунутыми в карманы. Он мне кого-то напоминает, но мой мозг работает слишком вяло.

– Цербер Джеймс, – представляется он, и мое сердце замирает. – Кронос здорово с тобой позабавился. Врачи давали тебе успокоительные, пока твои легкие заживали после того, как ты надышалась горячим ядовитым дымом. Признаю, что в аппарате ИВЛ не было строгой необходимости и ты могла бы уйти отсюда несколько дней назад, но я настоял на твоём лечении.

Мои глаза расширяются, когда я вспоминаю о контракте. В конечном итоге именно Цербер Джеймс выкупил меня, и могу только представить, сколько власти надо мной теперь это дает ему.

Он самодовольно похлопывает меня по ноге, а у меня появляется время обратить внимание на его внешность. На его седые волосы и аккуратную бородку, накрахмаленную темно-синюю рубашку с воротником-стойкой, темные джинсы и черный пиджак, перекинутый через руку. На шее мужчины я вижу татуировки.

– Я подержу тебя здесь, пока ты полностью не поправишься. Сколько бы это времени ни заняло, – говорит он и делает вид, что оглядывается по сторонам. – Возможно, тебе кажется, что больница – безопасное место, Кора, и все работники здесь пытаются тебе помочь, но проблема в том, что большинству из них катастрофически не доплачивают и это облегчает их подкуп. Они легко соглашаются на выполнение моих приказов, ведь у каждого есть своя цена.

Я качаю головой, пытаюсь понять, что, черт возьми, все-таки происходит. Мой разум медленно возвращается ко мне, чтобы я осознала его слова. Он приказал персоналу колоть мне успокоительное, и они это делали. Пусть у него есть власть, но он же не может постоянно держать меня в таком состоянии, подключенной к машине, вдувающей и выкачивающей воздух из моих легких? Это же насилие! Будто он проник внутрь моего тела и контролирует мое дыхание. Он же не будет держать меня здесь вечно, верно?

Я содрогаюсь, когда понимаю, что после Титанов я попала напрямую во владение лидера Адских гончих.

Рядом с моей головой раздается звуковой сигнал от прибора, следящего за биением моего сердца, и мое внимание переключается на входную дверь, через которую в палату вбегает медсестра со шприцем в руке. Я снова давлюсь трубкой, на этот раз прекрасно чувствуя ее в своем горле. Моя грудь поднимается и опускается против воли, и мне необходимо вытащить эту трубку прямо сейчас. Прежде чем сделать укол, женщина кладет ладонь мне на плечо, чтобы удержать меня на месте.

Нем!

Я не могу позволить ей снова накачать меня успокоительным, поэтому пытаюсь бороться и сбросить ее ладонь со своего плеча, но она все равно протыкает иглой шприца пробку пузырька с лекарством на стоящей рядом со мной стойке капельницы. И когда введенный ею препарат достигает моей вены, мои глаза закатываются.

Я снова давлюсь трубкой.

– Кора, тебе нужно успокоиться. Все в порядке, милая. – Она гладит меня по волосам, пытаюсь успокоить.

Черт возьми!

Я чувствую, как по моим венам растекается лед. Успокоительное, которое мне вкололи, как холодная вода, медленно поднимается все выше и выше по моему телу. Я борюсь с седативным эффектом препарата, даже несмотря на то, что от него немеют все мои мышцы. Я направляю свою ненависть на мужчину, важно стоящего у изножья моей кровати, но, несмотря на ее убийственные потоки, он не двигается с места. Он наблюдает за мной с любопытством, словно никогда ничего подобного не видел, и это странно. Но потом наркотики побеждают, и я снова погружаюсь в ледяное море.

Придя в сознание на этот раз, обнаруживаю, что в палате я уже одна. Моя голова лежит на подушке, и я облизываю губы. Трубки в моем горле больше нет, но во рту у меня суше, чем в пустыне, и к тому же очень чешется язык. Я пытаюсь дотронуться до своего лица, но мои руки по-прежнему сковывают широкие мягкие манжеты. Медленно моргая, я пытаюсь разобраться в них. Конечно, они приятнее, чем стяжки, но тем не менее не дают мне двигаться. Я бессмысленно тяну их, пока не начинают болеть мышцы. Хотя, честно говоря, мне не требуется много времени, чтобы устать. Мои воспоминания словно в тумане, поэтому я смутно помню свое первое пробуждение. Я ерзаю на кровати и пытаюсь сглотнуть, но горло чертовски болит.

Очевидно, что я все еще в больнице, но теперь, когда осталась одна и не нахожусь в панике, решаю оценить обстановку и оглядываюсь по сторонам. Слева от меня окно, а справа – ширма, скрывающая мою кровать от остальной части комнаты. Я сажусь прямее, игнорируя головокружение и колющую боль за глазами. Сейчас было бы самое подходящее время убраться отсюда, если бы я не была прикована к этой долбаной кровати, как собака.

Внезапно ширма отодвигается, и мне не нужно другого предупреждения, чтобы вновь откинуться на подушку и сузить глаза до щелочек. Сквозь ресницы я вижу, что небо за окном просветлело, а в палату вошла медсестра. Сначала она проходит мимо моей кровати, проверяя мониторы, а затем вдруг подходит ближе ко мне и смотрит на меня сверху вниз.

– Ваше учащенное сердцебиение означает, что вы, скорее всего, не спите, – тихо говорит она. – Это означает, что мне нужно уведомить об этом Цербера.

Пойманная на лжи, я медленно выдыхаю и открываю глаза. Медсестра напоминает мне мою мать. У нее такие же темные волнистые волосы, собранные в низкий конский хвост, те же морщинки в уголках ее глаз и мягкость во взгляде, которым она смотрит на меня. От их схожести у меня сжимается грудь.

Мне не следовало уезжать из Изумрудной Бухты.

Медсестра мягко сжимает мою руку:

– Мне нужно убрать ваш катетер.

Я крепко сжимаю ее руку, впиваясь ногтями в кожу, потому что не могу издать ни звука, но очень хочу, чтобы она помогла мне. Конечно, я даже не знаю, как она может это сделать. Выведет меня тайком? Инсценирует мою смерть? Я бы могла взять свежую одежду, ключи от ее машины и покончить с этим прямо сегодня. Но это невыполнимые просьбы, ведь медсестра подчиняется Церберу, который раньше не имел ко мне никакого отношения. Мои проблемы раньше были связаны с Кроносом и бандой Титанов. Я не встречалась с бандой Адских псов с тех пор, как я попала в Стерлинг Фолс, но теперь это кардинально изменилось. Почему?

Я закрываю глаза, пока медсестра вынимает катетер, и притворяюсь, что ничего не чувствую, потому что признавать правду слишком неловко. Я сжимаю руки в кулаки и медленно выдыхаю, а она снова накрывает мои ноги одеялом.

– Аполлон Мэддон, – говорит медсестра. – Вам знакомо это имя?

Съежившись, я снова тянусь к ней.

Она его знает? Он здесь? Живой?

Должно быть, выражение моего лица выдает меня с головой, и ее губы изгибаются в небольшой улыбке.

– Удачи тебе, Кора, – медленно кивает она сама себе и уходит.

Я не знаю, что означают ее слова, но неизвестность убивает меня больше, чем что-либо другое.

Джейс умер, Аполлон был ранен, и я не знаю, что случилось с Вульфом.

Когда слеза скатывается по моей щеке, ширма вновь отодвигается и к моей кровати подходит отец Вульфа, за которым следует та же медсестра. Он снова кажется мне самодовольным, но возможно, это постоянное выражение его лица. Некоторые из нас часто напускают на себя стервозность, а у него самодовольное лицо, и я знаю, какое выражение предпочла бы я.

– Тебя выписывают, – сообщает Цербер.

– Быстро, – отвечаю я, сглатывая.

Я понимаю, что голос звучит ужасно, будто мои голосовые связки сбил автобус и протаскил несколько миль по асфальту, ведь я заговорила впервые после пожара. Сейчас я бы убила за глоток воды, но, с другой стороны, скорее умру, чем попрошу его о чем-то. Все предупреждения Вульфа о его вероломном отце с ревом возвращаются в мое сознание. Я вспоминаю, как мне рассказывали о том, как он воспитывал их троих и как они освободились от его гнета. Благодаря этому человеку у Аполлона, Джейса и Вульфа не было детства.

Цербер приподнимает бровь.

– Быстро? Ты была в отключке целую неделю.

– Что? – переспрашиваю я, чувствуя нехватку воздуха в моих легких.

– Медикаментозная кома, – бормоча, подтверждает медсестра.

Я пристально смотрю на них, чувствуя свою беспомощность.

Неделя? Ему стоило щелкнуть пальцами, и они усыпили меня на неделю?

Зачем?

Этот вопрос продолжает крутиться у меня в голове, когда Цербер бросает в изножье кровати пакет.

– Одевайся.

Он выходит из палаты, и медсестра, не колеблясь, растягивает сковывающие мои руки манжеты. Пользуясь моментом, я тру каждое из своих запястий, делая медленные и контролируемые глубокие вдохи. Я считаю до пяти при каждом вдохе и выдохе. Клеймо на моем запястье злобно смотрит на меня, блестя серебром на фоне моей бледной кожи. Кажется, что кожа вокруг немного сморщилась, и пусть это выглядит некрасиво, но для меня это своеобразный знак мужества. Напоминание о том, через что я прошла, ведь даже сейчас я не могу поверить в то, что мне вообще удалось через это пройти.

В коричневом бумажном пакете, который Цербер оставил возле кровати, я нахожу футболку, кожаную куртку, джинсы и носки. К моему большому ужасу, под верхней одеждой лежит нижнее белье.

– Он не покупал эту одежду, – говорит медсестра, помогающая развязать мне завязки больничной сорочки, заметив мой ступор. – Ее привезла какая-то женщина.

Она замолкает, наблюдая за моим лицом, а затем я вижу на ее лице сочувствие.

– Твое горло... мне жаль, что так произошло, – говорит она и внезапно уходит.

Я остаюсь сидеть на кровати с обнаженной спиной, удерживая рукой больничную сорочку, прикрывающую грудь. Спустя несколько секунд я тянусь за футболкой, но медсестра возвращается прежде, чем я успеваю ее надеть. В руке у женщины стаканчик с крышкой и трубочкой, который она протягивает мне. Прохладная вода наполняет мой рот, и я делаю глоток. Мои глаза закрываются сами по себе, будто вода – это бальзам, в котором так нуждается мое горло. Я не успеваю сделать еще пары глотков, как женщина забирает стакан.

– Не стоит пить слишком много, иначе тебя быстро стошнит, – предупреждает она. – Давай оденем тебя, и потом сможешь попить еще.

Мой мозг не может решить, на чем, черт возьми, ему стоит сосредоточиться. На боли? На возникшей ситуации? На одежде? Или на том факте, что я была в отключке целую неделю? Значит, все это время я не ела и не пила?

Медсестра помогает мне одеться, и когда дело доходит до куртки, это становится последней каплей. Вернее, последней каплей становится то, что я вижу на задней стороне куртки логотип Адских гончих с трехглавой собакой. Белые нити на черной коже.

Медсестра в ожидании смотрит на меня, но я не могу это надеть. Даже если на улице всего пять градусов, я не выйду в этой куртке на улицу.

Женщина вздыхает и выкатывает из-за ширмы инвалидное кресло. Она помогает мне пересесть на него, и я быстро складываю куртку так, чтобы не видеть логотип. Я не знаю, что будет дальше, и страх перед неизвестностью нарастает в моей груди, угрожая вырваться на свободу, превратившись в истерику. Раньше я никогда не испытывала такие эмоции и не думала, что страх может быть настолько сильным.

Медсестра выталкивает коляску в коридор, и я поднимаю руку, чтобы заслонить глаза от слепящего света. По мере того как мы приближаемся к посту медсестер, суеты вокруг нас становится все больше. Я этого не осознавала, но тишина, в которой я пребывала, была из-за расположения моей палаты, находившейся в конце коридора. Внезапно я замечаю стоящего у поста медсестер высокого мужчину в такой же куртке Адских гончих. Он внимательно следит за каждым, кто есть в коридоре, а его поза говорит о том, что с ним не стоит связываться.

Сторожевая собака.

Он следует за нами по коридору, а у лифта ожидает еще один член банды Адских гончих. Эти мужчины могли бы быть братьями, ведь у обоих темно-каштановые волосы и квадратные челюсти. На вид им около тридцати пяти, только у мужчины, который ждал нас у лифта, есть усы. Пока он нажимает на кнопку, я понимаю, что, похоже, ни один из них не хочет смотреть на меня. Я оглядываюсь на медсестру, и она натянуто улыбается мне. Закатывая коляску в лифт, женщина поворачивает меня так, чтобы я не смотрела в стену, и я вижу, как два охранника из Адских гончих входят в лифт вместе с нами. Сейчас я бы отпустила какую-нибудь колкость, как обычно это бывает, но слова застревают у меня в горле болезненным комком. Меня отправляют из одной тюрьмы в другую.

Мне не следовало подписывать этот контракт с Кроносом, ведь он был рассчитан на то, что я потерплю неудачу, но думать об этом слишком поздно.

Мы выходим на втором этаже, и охранники ведут нас по нескольким петляющим коридорам. Проходим мимо палат с пациентами, и мое дыхание учащается, а сердце болезненно колотится за грудной клеткой под внезапным приливом надежды. Чем ближе мы подходим к двери, тем большее беспокойство поселяется в моей груди.

– Стоять!

Я хватаюсь за колеса, и мы резко останавливаемся, потому что я узнаю этот голос. Я думаю, медсестра тоже понимает, что происходит, потому что она не пытается заставить меня ехать дальше. Вместо этого она поворачивает меня так, чтобы я могла увидеть его.

Аполлона.

Его взгляд прикован ко мне, и пока он идет по коридору в нашем направлении, я могу рассмотреть, что под больничным халатом он одет в серые спортивные штаны, а за собой тащит стойку с подвешенной на ней капельницей.

– Остановите его, – говорит появившийся словно из ниоткуда Цербер, и его лакеи начинают действовать.

Они блокирует Аполлона прежде, чем у него появляется хоть какой-то шанс добраться до меня.

– Уберите от меня свои гребаные руки! – Он отталкивает их, но его внимание сосредоточено только на мне, даже когда они хватают его, скручивая свободную руку. – Кора, ты в порядке?

– Физически? – Мой голос звучит грубо даже в моих собственных ушах, и неудивительно, что он морщится.

Один из парней снова блокирует его, пытаюсь оттеснить назад.

– Мы придем за тобой, я клянусь! – говорит Аполлон.

– И ты знаешь, что тебя ждет, если ты это сделаешь, – хихикает Цербер.

Рукой со скрюченными пальцами, напоминающими когти, он касается моей шеи сзади, впиваясь ногтями в кожу.

– Все, что происходит, совершенно законно, Аполлон! Пришло время, чтобы ты наконец начал уважать порядок вещей.

– Отвали, старик! – усмехается Аполлон. – Мы ушли, чтобы этот порядок вещей наконец изменился.

– Вы безуспешно пытались сделать это в течение пяти лет. – Цербер пожимает плечами. – Думаю, мои шансы на успех явно выше.

Мурашки пробегают по моей спине, когда охранники начинают грубо толкать Аполлона, а он отталкивает их, игнорируя тот факт, что одет в больничный халат, в его вену введена игла от капельницы, а сам он, скорее всего, все еще восстанавливается после огнестрельного ранения.

Я вскрикиваю, когда кулак Аполлона врежется в лицо одного из Адских псов и тот отшатывается назад, а другой пес с усами в мгновение ока оказывается позади Аполлона и пинает его в колено, заставляя упасть на пол. Стойка капельницы с грохотом падает рядом с ним, и мое сердце замирает, когда щека Аполлона прижимается к кафелю.

Цербер крепче сжимает мою шею, удерживая меня на месте.

– Пожалуйста, прекратите. – Я сжимаю подлокотники коляски так сильно, что у меня белеют костяшки пальцев. – Это безумие, он же ранен!

Адский пес упирается коленом в спину Аполлона, и это мне до боли знакомо, потому что точно так же со мной поступил один из Титанов, прежде чем посадить в грузовик.

Мы собрали вокруг себя небольшую аудиторию, но никто не пытается вмешаться и остановить этот ад.

Пес наклонился над Аполлоном, ущипнул его за щеку и прошептал что-то ему на ухо, будто они знают друг друга. Вероятно, так оно и есть, но мое сердце вновь замирает, когда собака поднимается, а Аполлон не двигается с места.

– Нет! – Я пытаюсь бороться, но я все еще слаба. – Кто-нибудь, помогите ему!

– Тихо! – рявкает Цербер.

Он отходит от коляски, жестом указывает на меня второму охраннику, который принял на себя удар Аполлона, и тот легко поднимает меня с сиденья. Думаю, потому что инвалидное кресло для них – чертовски медленное средство передвижения.

Он выносит меня за дверь, за ним следуют Цербер и третий, а мое сердце остается с Аполлоном, лежащим на полу больничного коридора.

Глава 3. Кора

Меня привезли в бар Адских гончих, когда уже наступил вечер. И последние двадцать минут я сижу на табурете у барной стойки, наблюдая за происходящим в помещении. Члены банды слоняются внутри парами, группами или поодиночке. Они занимают столы, а один из них, тот, что помоложе, носится взад-вперед между ними и баром, разнося напитки. Некоторые мужчины хмуро смотрят в мою сторону, а некоторые попросту игнорируют, но никто не решается заговорить со мной. Вероятно, они держат язык за зубами из-за здоровяка за моим плечом, который следует за мной как тень. А сейчас стоит рядом, облокотившись на стойку и скрестив руки на груди. Под короткими рукавами его футболки выпирают бицепсы, и он по меньшей мере вдвое крупнее многих из присутствующих здесь мужчин. С ним я встретила впервые уже в баре, потому что тот, кто вынес меня из больницы, с синяком на щеке, и его двойник с усами вскоре после нашего приезда просто исчезли. Мне не чужды мысли и желания, которые проносятся в голове у мужчины, и часть меня думает, что Цербер тоже осведомлен о разнообразии мыслей разношерстной толпы, находящейся под его руководством. Вот почему он поручил здоровяку следить за мной, словно ястребу, и последние двадцать минут я сижу рядом с ним в тишине, будто музейный экспонат, на который можно поглядеть, но нельзя потрогать.

Мысленно перебирая все, что я знаю о Цербере Джеймсе, я прихожу к выводу, что мои знания слишком ограничены, ведь я никогда не встречалась с ним до больницы, хотя почти уверена, что он замешан в убийстве, которое совершил Аполлон с помощью ножа в тот вечер у Олимпа.

Мысленно я пересказываю себе наш с Вульфом разговор в кафе, тогда он сказал мне, что они с отцом по-разному смотрят на этот мир. И на мой вопрос, как видит этот мир Цербер, Вульф ответил, что для его отца этот мир лишь способ бесконечной манипуляции.

Я подавляю дрожь.

Так вот кто я для него. Предмет, используемый для манипулирования его сыном? Пешка стоимостью в один миллион долларов.

– На что, черт возьми, ты пялишься? – спрашивает один из мужчин, свирепо смотря в мою сторону.

Спереди за пояс его брюк засунут пистолет, а кожаный жилет на груди распахнут. Он выходит из-за стола, за которым сидят его приятели, и подходит ближе ко мне. Его глаза широко раскрыты, но зрачки настолько расширены, что я не могу понять их цвет. От него разит алкоголем, и от этого запаха по моей коже бегут мурашки. Мужчина останавливается прямо рядом со мной, пристально и нагло рассматривая мое тело, а большой парень, который должен охранять меня, ничего не предпринимает.

– Малик, ты притащил сюда новую клубную шлюшку? Ты же знаешь правила.

Правила? Клубная шлюха?

– Никаких шлюх на собраниях, – говорит он, хитро смотря на меня.

Здоровяк по имени Малик наконец отталкивается от барной стойки, и его внимание переключается сначала на двери, а затем на мужчину, подошедшего к нам. Малик настолько высокий, что на две головы возвышается над пьяным Адским псом, который и не думает отходить.

Думаю, он зашел слишком далеко и не чувствует внезапный холод, закружившийся в воздухе вокруг него, исходящий от фигуры Малика, стоящего за его спиной.

Малик хватается за горло и с легкостью отшвыривает назад, а парень даже не сопротивляется, будто он знал, что так и будет. Он хитро смотрит на меня, даже когда Малик вновь приближается к нему и швыряет на стол, за которым он только что сидел. Я подсакиваю на своем месте, а остальная часть зала внезапно замолкает. И единственные звуки, нарушаю-

щие тишину, – это прерывистое дыхание опрокинутого на стол мужчины и шаги очень кстати зашедшего в бар Цербера.

Он останавливается рядом с Маликом и хихикает, а в ответ на этот звук мое сердце колотится так сильно, что, кажется, вот-вот взорвется. Они привезли меня сюда прямо из больницы и заставили сесть на этот барный стул, поставив рядом только стакан воды. Кожаная куртка с логотипом Адских гончих до сих пор лежит сложенной на ближайшем ко мне табурете.

– Я рад, что ты осведомлен о правилах, Перси, учитывая, как ты любишь их нарушать. – Цербер кивает Малику, и тот отпускает парня. – Так ты думаешь, что Малик вопиюще игнорирует мои приказы?

– Нет, – бледнеет Перси.

Должно быть, Малик занимает какую-то руководящую должность или пользуется благоклонностью Цербера.

Я наблюдаю за людьми, находящимися в баре, которые наполовину зачарованно, наполовину в ужасе уставились на своего лидера. Какой же властью может обладать всего лишь один человек? Я уверена, что власть Цербера не сравнится с силой Кроноса, хотя я никогда не видела последнего в помещении, наполненном членами его банды. Мы встречались с ним в его офисе или в местах, где рядом с ним находилось лишь несколько охранников, но я не могу себе представить, что он, как и Цербер привлекает внимание толпы своим появлением.

Цербер некоторое время наблюдает за Адским псом по имени Перси, а затем кивает и его внимание переключается на меня. Жестом приглашает меня подойти ближе.

– Кора? – обращается он ко мне, и я автоматически напрягаюсь.

Внимание людей в комнате переключается на меня, но я не могу пошевелиться. Внезапно у меня пересыхает в горле, и каждая, даже малейшая травма, которую я получила за последнее время, начинает саднить. Я будто нахожусь под микроскопом, и они могут видеть мою боль, мои синяки и сорванное горло.

Не тратя времени даром, Малик подходит ближе и хватает меня за руку, стаскивая со стула. Он подводит меня к Церберу, которому не нужно делать ничего больше, кроме как поднять руку, чтобы добиться желаемой тишины. Я позволяю Малику принять на себя большую часть моего веса, потому что иначе я просто провалилась бы сквозь пол. Вокруг нас стало так тихо, что я отчетливо слышу свое дыхание.

– Это Кора Синклер. – Цербер указывает на меня рукой. – Она официально находится под нашей защитой, так что хорошенько присмотритесь к ней и знайте, что если, черт возьми, кто-нибудь из вас прикоснется к ней, то он будет иметь дело со мной.

Мой желудок сводит судорогой, и мне хочется переспросить Цербера о том, что он только что сказал, но я будто лишилась голоса.

Такого больше не должно со мной случиться.

Цербер улыбается и накидывает мне на плечи кожаную куртку, которую он незаметно для меня взял с барного стула. Эта куртка, наверное, весит миллион килограммов, но каким-то чудесным образом у меня не подгибаются колени под ее весом.

Мне ненавистна мысль, что этот мужчина может распоряжаться мной как своей собственностью, но это мое неверное решение взять деньги у Кроноса привело сюда. Ладно, возможно, еще несколько неверных решений этому поспособствовали, но все же разве в другом городе я бы залезла в такие долги? Или разве в другом городе могло случиться так, что все двери внезапно стали захлопываться у меня перед носом?

Я почти вижу ту девушку. Ту, которая, вместо того чтобы пытаться выжить в этом городе, вернулась в Изумрудную Бухту.

Я снова стала пленницей.

Наступила ночь, и меня привели в маленькую квартирку над баром. Мучаясь от бессонницы, я расхаживала перед окном, пытаюсь найти хоть какой-нибудь выход из сложившейся ситуации. Но мой разум продолжал возвращаться к Аполлону, которого вчера утром заставили лечь на больничный пол, к Джейсу, который, может быть, мертв, и к Вульффу. Стараясь не думать о них и не мучить себя, перешла к изучению квартиры. Я делала то же самое в доме у парней. Напрасно искала выход.

Бывший жилец съехал, оставив после себя полностью укомплектованную кухню, чистые простыни на кровати и несколько таинственных предметов. Скорее всего, в этих предметах нет ничего личного, раз он оставил их здесь, но возможно, они все же несут в себе какой-то смысл. Я обнаружила, что к внутренней стороне одной из дверей шкафа приклеена фотография молодой девушки, в ящиках журнального столика лежат несколько книг о шпионаже, а в шкафу в спальне под рубашками – гантели.

Через окно я видела, что около бара всегда околачивались Адские гончие. Они то заходили в бар, то выходили из него, но с наступлением ночи народа в баре определенно прибавилось. Я думала, что Цербер уже созвал общее собрание, чтобы представить меня своим подчиненным, но, по-моему, я познакомилась лишь с четвертью из них.

Стоило мне о чем-то задуматься, рев каждого прибывавшего мотоцикла возвращал меня к невозможной реальности. Несмотря на то что мои глаза горят, я не могу заставить себя расслабиться. Видимо, я слишком долго была в состоянии повышенной готовности, а возможно, просто слишком долго спала в больнице. У меня все еще болит горло из-за трубки, побывавшей в нем, а мышцы – из-за того, что я больше недели была прикована к постели. Я слишком беспокойна и измучена.

Несмотря на то что я вдохнула не так уж и много дыма, Цербер Джеймс приказал интубировать меня и, черт возьми, колоть мне успокоительное в течение недели просто потому, что он мог это сделать. Я почти уверена в том, что пациентов, которые обращаются в больницу даже после отравления угарным газом, интубируют только в самых тяжелых случаях. То, что он щелкает пальцами и происходит то, что ему хочется, по-видимому, является определением его власти. И все же он и пальцем не притронулся ко мне, а прошлой ночью никто не пришел в эту квартиру, несмотря на шум внизу, судя по которому там собралась целая толпа. Помешал ли им зайти сюда охранник? Или запертая дверь? В моей голове вертится так много вопросов, что мне кажется, рано или поздно мой мозг просто взорвется.

Сейчас мое внимание привлекает движение в начале подъездной дорожки. По приезде сюда я заметила, что заднюю часть здания клуба огораживает высокий забор, а передняя часть открыта. От главной дороги сюда ответвляется длинная узкая подъездная дорожка, ведущая на квадратную парковку перед зданием клуба. Вся территория вокруг окружена лесом, и сюда никто не может забрести случайно.

Сегодня система безопасности не выглядит как-то иначе, но все Адские гончие двигаются слаженно, будто роботы. Я не думаю, что они так ведут себя всегда, но сегодня они, похоже, находятся в состоянии боевой готовности.

Уже приближается обед, и за время непрерывного бдения у окна я заметила лишь несколько мотоциклов у входа и нескольких Адских гончих, патрулирующих периметр. Они ходят парами, с перекинутыми через плечо штурмовыми винтовками. Мне неизвестно, все ли из них живут здесь или только некоторые, а также я не знаю, что еще находится в здании клуба. Я посетила лишь бар, мельком видела зону для встреч, несколько офисов в задней части здания, а также лестницу, которая вела прямо в эту квартиру.

Все, что я не знаю, приведет меня к смерти.

Проходит какое-то время, и мне удастся разглядеть, как по подъездной дорожке едет мотоцикл. Кто-то из Адских гончих порывается перехватить его, и все резко напрягаются. Воздух, люди и даже деревья, кажется, застывают и наклоняются в сторону, уступая дорогу.

Постороннему.

Я подхожу ближе к стеклу, чтобы разглядеть мотоциклиста, но он уже снимает шлем, и внутри меня все переворачивается. Вульф вешает шлем на ручку мотоцикла, глушит двигатель и поднимает руки вверх.

Пожалуйста, не причиняйте ему вреда.

Мои внутренности сжимаются, и я едва могу дышать, когда наблюдаю за ним.

Один из Адских псов выходит вперед и хватается Вульфа за плечо, чуть ли не срывая с мотоцикла, но тот продолжает держать руки поднятыми в знак капитуляции и позволяет проводить его к зданию клуба. Когда они подходят ближе, мое сердце подскакивает к горлу, потому что я вижу, не только как Адский пес держит Вульфа за шиворот его куртки, но и пистолет, направленный Вульфу в поясницу. Я прижимаю руки к окну, пытаюсь подобраться поближе, и, прежде чем они исчезают под крышей веранды, взгляд Вульфа устремляется наверх, будто он все это время знал, что я здесь. Он смотрит на меня буквально несколько секунд и подмигивает.

Он, черт возьми, подмигивает!

Я отхожу от окна и тяжело опускаюсь на диван, однако спустя всего минуту снова встаю и начинаю расхаживать по комнате.

Вульф здесь. Он решил сдаться или пришел поговорить со своим отцом? Они начали вести переговоры?

Я подхожу к двери и прижимаюсь ухом к прохладному дереву. Ранее мне удалось расслышать какой-то разговор в главной комнате, и если на этот раз они будут достаточно громкими – я надеюсь, что расслышу их голоса. Но сейчас я слышу лишь тишину, пока на лестнице не раздаются шаги. Я спешу обратно к дивану, чтобы сесть на него прежде, чем дверь распахнется, и притвориться, что не подслушивала. Конечно, подслушивать – это бессмысленно, но тем не менее, вероятно, наказуемо.

– Видишь, с ней все в порядке. – Цербер отходит в сторону, и в комнату врывается Вульф.

В одно мгновение я оказываюсь на ногах, а в другое он двумя шагами пересекает комнату и останавливается передо мной. Он колеблется лишь секунду, позволяя себе осмотреть мое тело сверху донизу, а затем притягивает к себе, крепко обнимая. Я прерывисто выдыхаю и обнимаю его в ответ.

Он настоящий, а его мышцы настолько крепки, насколько я их помню.

– Ты в порядке? – Губы Вульфа касаются моего уха, и я сглатываю.

– Да, учитывая все обстоятельства.

Вульф кивает и медленно отпускает меня из своих объятий, оглядываясь на дверь.

– Ты не можешь оставить нас на минутку?

– Я могу дать вам все пять, – фыркает Цербер, и дверь за ним закрывается.

Когда мы с Вульфом остаемся одни, я сразу же беру его за руки.

– Пожалуйста, скажи мне, что ты здесь, чтобы вытащить меня из этого места.

– Я пытаюсь.

– Аполлон... – Боже, меня все еще тошнит от того, что произошло в больнице. Рассказал ли он Вульфу о том, что произошло?

– С ним все в порядке, – заканчивает Вульф за меня. – Он зол, но с ним все в порядке. Папин прихвостень не нанес непоправимого ущерба, и его выписали тем же утром, а Джейс...

– О боже!

Как я могла забыть о Джейсе? Посреди всего этого хаоса я совсем забыла о том, что в него стреляли. И теперь, когда эти воспоминания выдвинулись на передний план моего сознания, мне нужно подтверждение его состояния.

– Он мертв? Не так ли? Я помню, как в него стреляли...

Мой поток слов останавливает выражение лица Вульфа.

– Он жив. Вероятно, он хотел бы, чтобы было наоборот, после того как он позволил Титанам добраться до тебя. Но он жив и такой же ворчливый, как обычно.

Я смотрю на него и пытаюсь осмыслить его слова.

Он жив.

Даже несмотря на то, что я слышала выстрел. Но, возможно, это был всего лишь трюк?

Я буквально запрыгиваю в объятия Вульфа и прижимаюсь губами к его губам, и он без колебаний мне отвечает. Его пальцы зарываются в мои волосы, наклоня мою голову, когда он углубляет поцелуй, прижимаясь ко мне всем телом. Я хватаюсь за его джинсы, просовывая в петли для ремня большие пальцы. Этот поцелуй именно то, в чем я так отчаянно нуждалась. Пока я в объятиях Вульфа, мое беспокойство тает, и я снова могу дышать, пусть даже это временно. Вкус его губ знакомый и сладкий, а когда Вульф обхватывает рукой мой затылок, я чувствую себя в безопасности, несмотря на то, что я осознаю свою зависимость от этого мужчины.

Я опускаю руку и обхватываю через джинсы его член, но это движение, кажется, лишь возвращает его с небес на землю, призывая к здравому смыслу. Со стоном Вульф убирает мою руку, и его губы приближаются к моему уху:

– Слушай внимательно, Кора. Ты не можешь доверять моему отцу ни в чем. Не уступай ему ни миллиметра твоего доверия, даже если он опустится до дешевых детских историй или засыплет тебя какими-нибудь случайными подробностями его или нашей жизни. Он хитер и найдет способ превратить этот миллиметр в целую милю.

– Я...

– Все будет хорошо. – Вульф отступает от меня на шаг, чтобы встретиться со мной взглядом. – Я знаю, что мы подвели тебя, и мне чертовски жаль, – выражение его глаз смягчается, – но никто больше тебя не тронет.

Мой смех звучит злобно даже для моих собственных ушей:

– Никто, кроме твоего отца.

– Даже он, – хмурится Вульф.

– Но у него уже есть я, Вульф. Это то, что мы имеем, – качаю я головой. – Если только ты не планируешь забрать меня отсюда прямо сейчас.

Вульф выдыхает, но не отводит взгляда. Должна отдать ему должное, он никогда намеренно не вводит меня в заблуждение.

– Это его игра, Кора, и нам всем придется в нее играть. Но я говорю серьезно: тебе нужно быть осторожной с любыми подробностями.

Я вздрагиваю, и Вульф немедленно притягивает меня обратно в свои объятия. Он целует меня в лоб, и я закрываю глаза. То, что Вульф сейчас рядом со мной, помогает мне принять ситуацию, хотя она и превращается из кошмара в реальность. Меня бьет озноб, и я снова сжимаю в руке его рубашку, озвучивая один из моих страхов:

– Он причинит мне боль?

– Нет! – В голосе Вульфа слышится ярость. – Если хоть кто-то прикоснется к тебе...

– У тебя есть возможность выдвинуть требования, – говорит его отец у меня за спиной.

Я съеживаюсь, услышав его голос, но Вульф продолжает крепко держать меня в объятиях. Прежде чем разорвать их, он в последний раз целует меня в макушку. Мне нужно сделать то же самое, поэтому я немедленно разжимаю пальцы, выпуская ткань и теряя контакт с Вульфом.

Он шагает к двери и выходит, не обращая внимания на отца, а Цербер еще мгновение стоит посреди комнаты, наблюдая за мной. У меня возникает жуткое ощущение, будто с меня сдирают кожу и он может увидеть всю мою подноготную, лишь посмотрев на меня, и я не могу от этого защититься.

Видимо, когда дело касается его сына, Аполлона или Джейса, я его козырная карта.

Глава 4. Аполлон

– Нет! – Джейс свирепо смотрит на Вульфа через кухонный островок. – Ты что, с ума сошел?

Вульф пожимает плечами, окуная в тарелку кусочек хлеба.

– Возможно.

Из клуба Адских гончих Вульф вернулся мрачный и, лишь дождавшись Джейса, изложил нам свой план, который был просто ужасен! Это был самый худший гребаный план, который я когда-либо слышал! Но я продолжаю держать рот на замке потому, что в кои-то веки считаю, что Вульф прав. Я с ним согласен, даже несмотря на то, что его идею и планом-то назвать нельзя. Этот самодовольный ублюдок Цербер держит нас за яйца, и то, что придумал Вульф, – наш единственный вариант.

– Мы и так потратили впустую столько времени, – бормочет Джейс себе под нос. – Неужели ты действительно хочешь все испортить из-за нашей новой привязанности?

– Оно не потрачено впустую! – Вульф откладывает еду и скрещивает руки на груди. – Это временно, и ты это знаешь.

– Черт! – восклицаю я, потирая глаза.

Сегодня утром в больнице мне сняли швы, но рана на животе едва зажила, а кожа, покрытая синяками, выглядит страшно и все еще продолжает болеть. За исключением этого, физически я чувствую себя прекрасно. А морально... когда я ложился на операцию, ситуация была более благоприятная. Кора была с Джейсом, а нам с Вульфом удалось покинуть Уэст-Фолс. Пусть мы не смогли получить контракт, за которым направились туда, потому что Кронос устроил нам засаду, но мы все равно справились и выбрались оттуда живыми.

А видеть Кору вчера утром в окружении псов было для меня пыткой. Медсестре удалось передать мне сообщение о том, в каком коридоре находится ее палата, но эти Адские гончие помешали мне до нее добраться. У меня должно было быть оружие! Я должен был пристрелить их за то, что они просто стояли рядом с ней, но я был чертовски не подготовлен.

Я заставляю себя делать долгие и медленные вдохи, но мой гнев не утихает. Я зол на себя за то, что позволил им увезти ее прочь и уложить меня на землю.

– Я знаю, – говорит Вульф. – Знаю, что план отстойный, но хоть выколите мне глаза, другого выхода я не вижу. Он мог бы изловчиться и продать ее или позволить своим парням заполучить ее тело, но прямо сейчас он придерживается стратегического подхода.

А мы знаем, что происходит, когда он терпит неудачу.

– Ты уже знаешь, что я согласен, – тихо говорю я. – Мне тоже не нравится этот план, но я сделаю это, чтобы мы вернули нашу девочку.

Наша девочка.

Какая-то часть меня ненавидит называть ее так, ведь она моя девушка, но я не могу отрицать, что также она принадлежит Вульфу и Джейсу, хотя последний немного опаздывает на вечеринку. Все равно между ними возникла связь, и я думаю, Кора нравится ему больше, чем он признает. Я пока не готов заставить его раскрыть свои собственные глаза на этот секрет.

Внезапно Джейс встает и хлопает ладонью по столешнице. Он долго смотрит куда-то перед собой, видимо обдумывая сказанное Вульфом, возможно пытаясь придумать что-то менее радикальное, но в конце концов понимает, что выбора нет.

– Хорошо, – медленно кивает он. – Подготовь все.

Вульф морщится.

– Здесь не требуется никакой подготовки. Мы просто временно уйдем со сцены.

– Мы действительно сделаем это? – Внезапно меня охватывает тревога, и я перевожу взгляд с Джейса на Вульфа.

На самом деле я сделаю все что угодно, чтобы Кора была в безопасности.

– А я уже представлял себе, как буду крушить все и громить.

– Это может быть планом В, – предлагает Вульф.

– А какой план Б?

– Не попасть под пулю.

– С этим я уже облажался. – Я соскальзываю с табурета и оставляю их на кухне.

Мы покинули Адских гончих почти шесть лет назад. Договориться о нашем выходе из банды не получилось, поэтому все произошло слишком кроваво, но мы сделали то, что должны были. Мы мечтали о переменах и наведении порядка в Стерлинг Фолсе. Задыхаясь под гнетом Цербера, мечтали о лучшей жизни.

И посмотрите на нас сейчас. Несмотря на то что мы потерпели неудачу, я верю, что все еще можем исправить. Банды смазывают так называемые колеса Стерлинг Фолса и следят за тем, чтобы бесперебойная работа всех сфер города шла гладко. Уберите их из этого уравнения – и обязательно появится что-нибудь другое, чтобы заполнить это пространство. Что-то такое же темное, желающее окунуться в эту грязь так же сильно, как и они. Или что-то похуже.

Я спускаюсь в подвал, где мы храним один из наших тайников с оружием. Быстро набираю код на двери и прикладываю свой большой палец для сканирования отпечатка. Как только я оказываюсь внутри, запасаясь оружием, которое может поместиться на моем теле. У меня были годы, чтобы подойти к этому творчески. Вульф и Джейс не беспокоят меня, хотя последний, спускаясь в спортзал, на секунду останавливается, чтобы посмотреть, чем я занимаюсь.

Уж лучше Адским псам не связываться с нами, когда мы появимся на их пороге, но в любом случае мы должны быть готовы к драке. Поэтому я и прячу оружие на своем теле, зная, что лучше всего будет выйти из этой ситуации дипломатическим путем. У Вульфа с Джейсом разные мнения на этот счет.

Я вздыхаю.

Существует не так много боеприпасов, которые человек может засунуть в свои карманы так, чтобы их было не видно. Несмотря на то что мои брюки карго снабжены большим количеством карманов.

– Ребята! – кричит Вульф с верхней ступеньки лестницы. – Поднимайтесь.

С трудом опережаю Джейса, слушая, как он ворчит, пока я поднимаюсь по лестнице. Из всех сил сдерживаюсь, чтобы не пнуть его ногой. Вульфа мы находим в кабинете. Он стоит посреди комнаты, уставившись в экран телевизора, на котором идет что-то вроде конференции под открытым небом. На небольшой трибуне, установленной прямо на тротуаре, стоит мэр с шерифом Брэдшоу с одной стороны и с Корой с другой, а за ними мы видим развалины сгоревшего здания.

– Что за хрень? – рывкает Джейс и хватается за пульт, увеличивая громкость.

– ...Лишь благодаря усердию государственных служащих Стерлинг Фолса удалось предотвратить трагическую смерть.

Мэр Томпсон опускает взгляд, а затем снова смотрит на толпу перед собой. Он продолжает что-то говорить, но я не обращаю на него внимания, целиком сосредотачиваясь на Коре. Она стоит, словно незнакомка, закутанная в темно-синее пальто. Ее темно-рыжие волосы убраны с лица, а в носу нет кольца. Макияжа на ней минимум, что делает ее просто воплощением невинности.

– Это их точка зрения? – Вульф закатывает глаза, слушая речь мэра. – Расправа над университетским округом?

– Потому что пожар произошел в студенческом общежитии, – пожимает плечами Джейс. – А чего ты еще ожидал?

– А теперь, пожалуйста, поприветствуйте руководителя этой операции Цербера Джеймса! – объявляет мэр и отходит в сторону.

Я был настолько увлечен Корой, что не увидел Цербера в кадре, но теперь отец Вульфа поднимается на трибуну, пожимает руку мэру и встает на свое место рядом с ним.

Едва я вижу его, по моему желудку прокатывается спазм, а к горлу подступает тошнота. Как, черт возьми, Кора умудряется сохранять такое невозмутимое выражение лица?

– Спасибо вам, мэр Томпсон, – говорит Цербер. – Я планирую сделать этот город более защищенным и начну с охраны молодых студентов колледжа, которым неведома безопасность.

– Вот это чушь собачья! – рычит Вульф, сжимая дрожащие руки. – Как ему удалось связаться с мэром? И Кора...

– Заткнись! – огрызается Джейс.

Мы стоим перед телевизором и ждем, что будет дальше, а напряженные секунды, пока Цербер внимательно изучает толпу, кажутся вечностью. Затем он оглядывается на Кору и жестом приглашает ее подойти ближе.

– Кору Синклер только вчера выписали из больницы, в которую она попала, будучи на волосок от смерти из-за травм, полученных во время этого пожара. Пожара, который можно было предотвратить! – Цербер обнимает ее за плечи и притягивает к себе.

Выражение ее лица, кажется, не меняется, но я вижу, как слегка дрожат ее губы, прежде чем она поджимает их. В ответ на это движение я сжимаю кулаки.

– Начиная с сегодняшнего вечера мы будем патрулировать улицы вокруг университета Стерлинг Фолса, и если возникнут проблемы – мы будем рядом, чтобы предотвратить или разрешить их. Даю тебе слово.

– Он захватил нейтральную зону, – говорю я и резко отворачиваюсь, не в силах больше на это смотреть.

Конечно, он видит в этом возможность для своего личностного роста.

– Кронос, наверно, пинает сам себя под зад. – Джейс качает головой. – А Брэд, кажется, не слишком рад такому повороту событий.

Выражение лица шерифа Брэдшоу, который неподвижно стоит рядом с Корой, напряженный и вытянутый по стойке смирно, кажется невозмутимым, но все равно намекает на отвращение к ситуации. Цербер наделил своих Адских гончих полицейскими полномочиями. И скорее всего, ему не пришлось особо стараться, поскольку мэр преподнес ему эту возможность на блюдечке с голубой каемочкой. Ограничение возможностей полиции в нейтральной зоне усилит власть Адских гончих, а это нехорошо.

Вскоре после этого пресс-конференция заканчивается, и Джейс нажимает кнопку выключения телевизора на пульте.

Он смотрит на меня, а потом на Вульфа:

– Вы в порядке?

Вульф кивает.

– Все еще хочешь сделать это? – спрашиваю я, и он хмыкает.

– Нет, но, похоже, у нас нет выбора.

– Что ж, пойдём, – вздыхает Джейс. – Нет времени лучше настоящего.

Глава 5. Кора

– Все готово?

Помощник мэра помогает ему пройти мимо толпы, игнорируя вопросы собравшихся репортеров, но Цербер, все еще стоящий на трибуне, наклоняется к ряду микрофонов:

– Спасибо, что были с нами сегодня. Прошу больше никаких вопросов.

Он кладет руку мне на спину, подталкивая идти вслед за мэром. Шериф следует за нами. Несколько его людей преграждают репортерам путь, и наша маленькая группа беспрепятственно доходит до одного из больших черных внедорожников. Я стараюсь не встречаться ни с кем взглядом и смотрю вниз, на свои ботинки.

– Что ж, все прошло так, как и ожидалось, – говорит мэр и одаривает Цербера улыбкой. – Счастлив иметь с тобой дело, друг мой, – говорит он и протягивает руку.

– Взаимно, – отвечает Цербер.

– А вы, должно быть, Кора? – Мэр Томпсон улыбается мне. – Вы из Стерлинг Фолса?

– Нет, я из Изумрудной Бухты, – отвечаю я, поворачиваясь к нему. – Я приехала сюда, чтобы поступать в СФУ, потому что получила стипендию.

– Ого.

Зачем я это сказала?

– В конечном итоге мне не удалось ее получить, но я счастлива, что преодолела эту преграду и могу продолжить свое образование, – быстро лгу я, пытаюсь отыграть, а стоящий рядом со мной Цербер напрягается.

– Бедная девочка. – Внимание мэра по-прежнему сосредоточено на мне. – Слышать, что один студент из нашего собственного университета был охвачен пламенем, – это одно, но увидеть воочию – совсем другое. Скажи мне, как тебе удалось выбраться?

Я сглатываю комок в горле, когда слышу вопрос, который ждала.

– Простите, но я не помню.

Если они спросят тебя о чем-нибудь, скажи, что ты ничего не помнишь, и никто не станет подвергать это сомнению.

Я забыла, где слышала этот совет, но затаила дыхание, надеясь, что он сработает.

Конечно же, лоб мэра хмурится, а выражение лица становится насмешливым и недоверчивым. Должно быть, ему уже за шестьдесят. Все его волосы почти седые, а вокруг голубых глаз, которые мгновение назад казались добрыми, а теперь внезапно сощуриваются, пролегли морщинки, напоминая мне, что он политик.

– Должно быть, кто-то вытащил тебя оттуда. Ты не согласна?

– Девушка сказала, что не помнит, – внезапно встречается в наш разговор шериф, и мэр усмехается.

– И ты ей веришь?

– Не вижу причин, зачем ей нужно лгать? – Брэдшоу пожимает плечами.

Я цепляюсь за его защиту, хотя все, что я знаю о шерифе, противоречиво. Первыми мне на ум приходят воспоминания о подслушивающем устройстве, которое он подложил в мою сумку, и о его связи с Кроносом, но потом я вспоминаю, что он все-таки пытался помочь мне. Он дал мне нож, и возможно, именно он был моим спасителем из огня. Дождавшись, пока Титаны покинут горящее общежитие, он вернулся за мной.

Боже.

Внезапно я вспомнила, что у входа в подвал лежало тело мужчины, и когда мой спаситель выносил меня, он перешагнул через Титана, но все же никто сегодня не упомянул о смерти в этом здании. Я уверена, что Цербер просто воспользовался своим влиянием, чтобы скрыть подробности.

Я хочу что-то сказать, но тут же закрываю рот, потому что вспоминаю, как по дороге сюда Цербер показал мне стеклянную баночку успокоительного, которая лежала в его кармане, и приготовленный шприц. Кажется, я полезна только тогда, когда тихая и послушная, но он не мог допустить, чтобы я пускала слюни на камеру. Это его слова, не мои. Так что сейчас страх заставляет меня молчать, зная, что может произойти дальше.

– Она все еще переживает произошедшее, – говорит Цербер.

И я действительно переживаю. Только не за то, о чем они думают.

– Вот почему так важно следить за этим районом, Джеф. Эти дети только покинули родительские дома и не привыкли к ответственности, которая приходит с взрослением. Они не способны принимать мудрые решения, и кто-то должен присматривать за ними.

– Ты совершенно прав, – улыбается мэр Томпсон.

– Сэр? – обращается к нему помощник.

– Да, да. Извините, джентльмены, у меня встреча на другом конце города, которую невозможно перенести. – Мэр снова пожимает руку Церберу, а затем шерифу. – Давайте встретимся за ланчем на следующей неделе. Мой помощник свяжется с вами.

Пока мы смотрим им вслед, шериф бросает на меня еще один взгляд, и выражение его лица снова становится пустым, будто он и не заступался за меня.

Я тихонько выдыхаю, но опасность еще не миновала. Один из Адских гончих открывает для меня дверь машины, а затем обегает ее вокруг, чтобы открыть дверь и для своего босса. Мы оба садимся на заднее сиденье и ждем, пока машина мэра отъедет. После чего выезжаем вслед за ним, а Цербер поворачивается ко мне лицом.

– Изумрудная Бухта?

Я чуть ли не подпрыгиваю от неожиданности, увидев, как Цербер наблюдает за мной.

Я же просто вела светскую беседу. Ни для кого не секрет, что я родом из Изумрудной Бухты. Мой город находится в часе езды отсюда, и я никогда этого не скрывала.

– Да, – осторожно отвечаю я.

– И у тебя была стипендия в университете Стерлинг Фолса?

– Верно, но она была отозвана, и в итоге я получила кредит на обучение у Кроноса. Именно поэтому я здесь.

Опять же, все эти факты общеизвестны, и я предполагала, что он знал об этом, но Цербер отводит взгляд и постукивает пальцами по бедру, что-то напевая себе под нос.

– Интересно, – наконец говорит он, когда его пальцы замирают.

Я нервно ерзаю, думая: неужели я сказала что-то лишнее и дала ему новую информацию к размышлению? Вульф велел мне следить за языком и ничего не рассказывать его отцу. Абсолютно ничего. Но я не смогла держать свой рот на замке. И теперь понимаю, что облажалась, хоть Цербер, как и я, молчит.

Я съеживаюсь на своем сиденье, пока мы едем обратно к зданию клуба. Чем больше длится наше молчание, тем больше я нервничаю. Барабаню пальцами по бедру и делаю неглубокие вдохи, стараясь не паниковать. Не бывает такого, чтобы все шло по плану, а я настолько сбита с толку, что у меня даже нет плана.

Когда мы подъезжаем ближе, Цербер достает из кармана маленький стеклянный флакон и шприц.

– Пожалуйста, не надо, – прошу я, чувствуя, как ледяной страх струится по моим венам, растекаясь внизу живота. – Я же сделала что ты просил.

Цербер вводит иглу от шприца во флакон и отводит рычаг назад, наполняя шприц прозрачной жидкостью.

– Ты вела себя замечательно. Даже лучше, чем я ожидал.

Я вела себя так из-за шприца с успокоительным. Потому что боялась угрозы Цербера, что мне вколют этот препарат.

Сегодня утром, после того как ушел Вульф, ко мне пришла женщина, принесла одежду и косметику и приказала принять душ и одеться. Как только я привела себя в порядок, мы спустились к машине и мне были прочитаны нотации о том, что, если я заговорю с кем-нибудь, скорчу гримасу или сделаю хоть что-нибудь против Цербера, он не накажет меня, а просто снова погрузит в сон. Так надолго, как он пожелает. День, неделя, год – ему все равно, ведь это всего лишь способ манипуляции. Цербер заметил мою реакцию, когда я проснулась после интубации, и решил использовать мой страх против меня.

– Я же сделала, что ты просил, – повторяю я, отодвигаясь от него.

– Так и было, – вздыхает он.

– Сэр! – кликает водитель. – У нас проблема.

Цербер хмыкает и закрывает шприц колпачком, пряча его в карман вместе с флаконом. Наклонившись вперед, чтобы заглянуть за плечо водителя, Цербер хихикает:

– А вот и Вульф.

Я резко выпрямляюсь, чтобы увидеть, как впереди нас, загораживая извилистую дорогу, которая идет к зданию клуба, стоит знакомый черный «Мерседес». Водительская дверь открывается, и наружу выбирается Вульф. Но не проходит и пары секунд, как из задних дверей появляются Джейс с Аполлоном. Обходят капот, чтобы встать рядом со своим другом. Похоже, они готовы к войне.

Я вижу, что Аполлон увешан оружием, Джейс взял с собой два пистолета, один из которых висит в наплечной кобуре, а другой – в кобуре на бедре. У Вульфа же, на первый взгляд, ничего нет, но это ничего не значит.

Я в шоке от того, что снова вижу их вместе.

Они пришли за мной.

Я расстегиваю ремень безопасности и бросаюсь к двери, но Цербер хватается за волосы, прежде чем я успеваю выйти из машины, и оттаскивает назад. Мои пальцы соскальзывают с ручки, и я вскрикиваю от резкой боли в голове. Перед моими глазами снова мелькает блеск иглы, только что вынутой из-под колпачка, и он вводит ее в мою шею. Жгучее ощущение распространяется по мне, и Цербер откидывает мою голову назад, чтобы я могла видеть его лицо:

– Ты не сможешь увидеть их без моего одобрения, понимаешь?

Я вздрагиваю и киваю, и он толкает меня обратно на сиденье. Я прислоняюсь спиной к двери со своей стороны и остаюсь там, боясь даже дышать. Боясь того, как быстро и как сильно подействует на меня успокоительное.

– Оставайся здесь! – приказывает он мне, как собаке.

Я помню, как однажды он то же самое сказал Джейсу. Забавно слышать это от человека, который воплощает собой мифологического трехголового пса.

В моем горле стоит ком, который мешает говорить. А страх перед тем, что он мне вколлот, превосходит мое воображение. Он растет с каждой секундой, и я уже думаю: неужели у меня полностью перехватит горло? Потеряю ли я сознание? Смогу ли я дышать?

Цербер хихикает и, открывая свою дверь, бросает на меня последний любопытный взгляд.

– Следи за ней! – приказывает он водителю. – Проследи, чтобы она не подавилась собственной слюной.

Дверь за ним захлопывается, и мы погружаемся в тишину.

Мои мышцы расслабляются, а тело становится ватным. Я чувствую, что мой разум становится неуправляемым, и ощущение парения, которое я чувствую, хоть и странное, но не совсем неприятное. Я перевожу взгляд на водителя, понимая, что контроль над сознанием ускользает из моих рук, но мне нужно знать, что происходит. Могу ли я надеяться на то, что Цербер собирается меня отпустить?

Водитель, кажется, разрывается между тем, чтобы приглядывать за своим боссом и наблюдать за мной. Вот почему он не замечает, как моя рука снова тянется к ручке двери. Я жду, когда он снова посмотрит вперед, и дергаю за ручку. Дверь под моим весом распаивается, и я вываливаюсь из машины. Я падаю, теряя равновесие, а мои рефлексy слишком медлительны, чтобы я сгруппировалась перед падением. Плечо и предплечье принимают на себя основную тяжесть удара, а зубы клацают друг о друга, впиваясь во внутреннюю сторону щеки. Мой рот наполняет кровь.

Моя реакция на успокоительное ужасающая, однако боль побуждает меня оставаться в сознании. Адреналин пронизывает меня насквозь, ускоряя сердцебиение. Я не думаю, что он вколол мне достаточно успокоительного, чтобы по-настоящему вырубить. И это моя единственная надежда, когда я начинаю ползти по асфальту, помогая себе обеими руками. Либо я права, либо я вот-вот разобью свое лицо об асфальт.

Но, слава богу, мне не суждено это проверить, потому что кто-то поднимает меня с земли, легко подхватывая на руки. Я запоздало поднимаю голову и встречаюсь с пристальным взглядом Джейса.

– Что-то вколол, – бормочу я. – Он мне не нравится.

«Теперь я в безопасности», – шепчет голос в моей голове.

Джейс прижимает меня крепче к своему телу, и я утыкаюсь головой в его грудь. Его сердцебиение громко отдается у меня в ушах, быстрое и ровное. Возможно, внешне он ведет себя спокойно, но его сердце рассказывает мне совсем другую историю.

Мой разум работает все медленнее и медленнее, но я чувствую, как он убирает волосы с моего лица, а потом объятия Джейса становятся крепче, потому что мы садимся в машину.

Я еле-еле открываю глаза и вижу, что мы снова находимся в машине Адских гончих, Цербер вернулся на свое место позади водителя, а я все еще нахожусь в объятиях Джейса. Я лежу у него на коленях, потому что он занял мое место. Глазами я нахожу Цербера, на которого совершенно не хочу смотреть, но предпочитаю держать в поле своего зрения. Я сжимаю в кулаках рубашку Джейса, и мои глаза закрываются.

– Ты можешь отпустить ее, – говорит Цербер.

– Я разберусь, – отвечает Джейс, рассеянно глядя меня по руке.

– Итак, чем я обязан этому удовольствию?

Джейс на мгновение замолкает, а затем вздыхает:

– Ты так сильно нас ненавидишь?

– Ненавижу? – Цербер, кажется, удивлен. – Я не испытываю к вам ненависти.

– Тогда зачем ты купил Кору?

Значит, они не знали о его планах, а какая-то часть меня предполагала, что они или, по крайней мере, Вульф должны были об этом знать. Или даже попросили его это сделать.

– Могу ли я предположить, что, раз уж вы пришли ко мне, готовы обсудить условия?

Голос отца Вульфа настолько беззаботен, будто ему насрать, почему Джейс находится в его машине. Но среди этой бравады я все равно могу распознать скрытое напряжение.

– Очевидно, – отвечает Джейс.

– И эти двое решили, что ты являешься вашим представителем.

– Они слишком привязаны друг к другу.

Ко мне.

– Что не скажешь про тебя, хотя ты держишь ее так, словно она может уплыть, – фыркает Цербер. – Ты знаешь, чего я хочу, Джейс. Чтобы ты, Аполлон и мой сын вернулись в Адские гончие, и на этот раз навсегда.

Я заставляю себя открыть глаза. Он хочет их вернуть? После всего, что они сделали, чтобы уйти?

Мне это кажется неправильным.

– Я знаю. – Голос Джейса остается ровным, будто он ожидал этих слов.

– Конечно, именно поэтому ты здесь, – выдыхает Цербер. – Но я не ожидаю, что эти перемены пройдут легко. Какое-то время вы жили сами по себе, а независимость – это вещь, от которой трудно избавиться.

Со стороны Цербер и Джейс, наверно, кажутся обычными людьми. Они сидят в машине и разговаривают о своей жизни так, словно сегодня обычный день. Интересно, как часто они торгуются за свою свободу?

Мой разум переворачивает его слова с ног на голову. Он сказал, что независимость – это вещь, от которой трудно избавиться. Будто она мозоль, которая выросла на их коже, чтобы защитить. Они с таким трудом и усилием завоевывали свою свободу, а теперь ведут переговоры, чтобы отказаться от нее? Вернуться к Адским гончим?

Потеря свободы вывела бы меня из себя, так почему Джейс ведет себя так, будто это не самая безумная вещь, которую он когда-либо слышал? Будто он слышит такого рода вещи каждый день? Даже то, что он носит пистолет на своем бедре, сейчас кажется мне более нормальным, чем этот разговор. Если бы подобное произошло со мной, то я бы взбунтовалась.

Ах, подождите! Так это и происходит со мной, ведь моя жизнь тесно переплетена с жизнью этих троих ребят. Тогда почему я ничего не делаю? Хоть раз в жизни я могу действовать от своего имени?

Борись, Кора!

Но как?

Мои пальцы скользят по груди Джейса, и я нащупываю один из мягких кожаных ремешков кобуры на его плече, в которую вложен пистолет.

– Возвращайся домой. – Цербер все еще пытается уговорить Джейса мирно сдаться. – Кора останется с тобой. Она будет в безопасности под твоей защитой и защитой Адских гончих.

Даже если Джейс чувствует, что я делаю, он не пытается меня остановить, а Цербер рассеянно смотрит из окна на дорогу и не беспокоится ни о ком из нас. Возможно, ему не следовало беспокоиться по поводу Джейса, ведь он, как справедливо отметил сам Джейс, добровольно сел в эту машину. Но Цербер не должен был списывать со счетов меня.

Я выпрямляюсь, опираясь на плечо Джейса, чтобы подняться.

– Нет! – Мой голос, по сравнению с сознанием, на удивление ясен.

Я плавно вынимаю пистолет из кобуры Джейса и, хотя не очень разбираюсь в оружии, дальнейшие действия кажутся мне относительно простыми. Сбоку я замечаю предохранитель, нажимаю на него и оттягиваю затвор назад, чтобы проверить, заряжено ли оружие. Передо мной поблескивает патрон лунного цвета.

– Они не вернуться.

Цербер смотрит на меня и смеется, а затем переводит взгляд с оружия на Джейса, единственным ответом на ситуацию которого является то, что он крепче сжимает мои бедра.

– Возьми ее под контроль.

– Нет! – повторяю я и встречаюсь взглядом с Джейсом.

Тревога и паника, которые я должна была бы испытывать, подавлены, и я благодарю за это его.

– Ты мне доверяешь? – спрашиваю я, и он приподнимает голову. – Мы не пойдем с тобой! – заявляю я Церберу. – Выпусти нас.

Цербер смеется, а водитель хоть и оглядывается на нас, но, не услышав другого приказа, лишь усиливает хватку на руле. Этот улюлюк даже не замедляет ход автомобиля.

Я выглядываю в зеркало заднего вида и мельком замечаю черный «Мерседес», следующий за нами.

– Я больше не хочу проходить через это! – Мое признание предназначено только для ушей Джейса. – Больше я не буду пленницей.

– Ты собираешься застрелить меня? – спрашивает Цербер, полностью сосредотачивая свое внимание на мне и на пистолете в моей руке.

Мы сидим в тесноте, и я думаю, что Джейс – это единственное, что мешает Церберу протянуть руку и забрать у меня оружие. Эта мысль немного меня отрезвляет. Мне неприятно, что девушка с пистолетом не представляет для Цербера никакой угрозы, в отличие от безоружного мужчины.

Джейс сейчас выглядит будто сжатая в шар энергия, и я вижу, что мои слова завели его еще сильнее. Его пристальный взгляд перескакивает с Цербера на меня, но парень даже не вздрогнул с тех пор, как я вытащила пистолет из кобуры. В этом нет ничего личного ни для меня, ни для него. Это уже клинический случай.

Я качаю головой, глядя на Цербера.

– Я не могу убить тебя. Я не настолько глупа и почти уверена, что тогда весь твой клуб набросится на нас.

Цербер ухмыляется.

В мою голову приходит идея, как по-другому выйти из этого положения, и все мое тело немеет при этой мысли, но отчаяние берет верх. Оно медленно растекается по моим венам, словно свинец, давя на кости, делая их тяжелыми. Быть может, это реакция на успокоительное, которое все еще сеет хаос в моем разуме. Но если мне и дальше придется жить с этим чувством, я больше никогда не обрету себя.

Поэтому я направляю дуло пистолета на водителя, и когда мои колебания улетучиваются, я нажимаю на спусковой крючок.

Глава 6. Кора

Я так долго ходила рука об руку со смертью, что из-за этого у меня начались приступы бессонницы. Я слышу дыхание смерти, когда она подходит слишком близко, и при ее приближении мои волосы встают дыбом. Я ощущала ее присутствие, лежа в постели рядом со своим бывшим, гадая, какая вспышка его гнева закончится травмой, от которой я не смогу оправиться. А после того, как я связалась с Кроносом, смерть стала моей спутницей на каждую ночь. Я пыталась заснуть на матрасе в арендованной квартире и гадала, не собирается ли Титан выломать мою дверь, потому что я не смогла позволить себе оплатить долг.

К тому же у меня было много времени подумать над тем, что происходит, когда кто-то умирает и в его глазах гаснет свет. Потому что уже видела смерть других людей. Тот парень в офисе Кроноса, моя бабушка по маминой линии. Возможно, я видела смерть и в детстве, но не помню этого. Зато точно знаю, что меня слишком долго преследовали мысли о смерти. Настолько долго, что для меня это стало абсолютно естественным. И я пыталась перевернуть концепцию и изучить все варианты того, что может произойти после нее. Большая часть меня надеется на то, что смерть похожа на отключение света. Типа «бум» – и все, а наше сознание умирает вместе с нашим телом. Ведь это единственный способ освободиться от травм, через которые мы проходим в жизни. Не так ли? Потому что я не могу представить себе, что на небесах сидит человек, который отпустит мне грехи, в которых я ему покаюсь. О нет, если жизнь после смерти существует, то все грехи, которые я совершила, будут преследовать меня вечно. На долю секунды я задумываюсь об этом между нажатием на курок и взрывным звуком, вырывающимся из пистолета.

Выстрел.

Моя рука дергается от отдачи, и кровь забрызгивает лобовое стекло. Мне кажется, на это не реагирую только я. Водитель с пулей в голове наклоняется вперед, падая лбом на руль, Джейс прижимает меня крепче к себе, а Цербер смотрит на меня с новым выражением на лице. Самодовольство сменилось шоком. По крайней мере, его ухмылка исчезла.

Внезапно машину заносит, и она юзом съезжает с дороги.

– Слишком много автомобильных аварий на нашу душу, принцесса, – говорит Джейс мне на ухо, а затем открывает нашу дверь и вытаскивает меня наружу.

Падая, мы ударяемся о землю настолько сильно, что мои кости трещат от удара, но я почти ничего не чувствую. Мы скатываемся по короткой насыпи, и все это время Джейс прижимает мою голову к своей груди, защищая от камней, пока мы наконец не останавливаемся у дерева. Мое тело бурлит от адреналина, и этого достаточно, чтобы заглушить боль, которую я все равно не чувствую из-за действия препарата.

Джейс стонет.

Мы лежим на земле, прижимаясь друг к другу, а его сердце под моей щекой колотится в нереально бешеном темпе. Джейс выпускает меня из своих объятий и приподнимается, а затем протягивает мне руки. Он не тратит время на то, чтобы отдохнуть или проверить себя на наличие травм. Мгновение я смотрю на него, а затем облизываю губы, но тут же немедленно сплевываю кровь вперемешку с грязью.

Внезапно меня переполняет ужас. Смерть как концепция – это одно, а быть тем, кто нажимает на курок, – совсем другое.

– Не думай об этом, – предупреждает Джейс, будто читая мои мысли. – Вставай.

Я беру его за руки, и он поднимает меня на ноги. Не теряя времени, Джейс быстро похлопывает меня по спине, проводит руками по ногам, рукам и остальным частям моего тела, ошупывая кости. Ненароком я замечаю, что он проявил больше заботы по отношению ко мне, нежели к себе.

Убедившись, что со мной все в порядке, он снова берет меня за руку, и в то же время почти рядом с нами резко тормозит «Мерседес».

Джейс немедленно рывком открывает заднюю дверь и подталкивает меня внутрь. На мгновение обернувшись, я вижу, что машина Адских гончих лежит на боку посреди дороги. Из ее капота валит дым, а асфальт усеян битым стеклом.

Я сажусь в машину и быстро скользя по кожаному сиденью, освобождая место для Джейса, который вваливается внутрь следом за мной и захлопывает дверь. Я хватаюсь за ручку, чтобы не упасть, когда Вульф резко разворачивает машину, и мы мчимся прочь от его отца.

Казалось бы, все самое страшное уже позади, но мои легкие сжимает паника. Я пытаюсь сделать вдох, но у меня ничего не получается, будто тело забыло как дышать.

Аполлон поворачивается ко мне лицом, протягивая руку, и сжав ее, я крепко зажмуриваюсь.

Я только что убила человека.

Выстрелила ему прямо в затылок. Или в макушку. Имеет ли это хоть какое-то гребаное значение? Целилась ли я в определенное место? Нет, просто так получилось. Все произошло как в видеоигре или на тренировке в стрельбе по мишеням. Целься и нажимай курок. Сделать это слишком просто, если не думать о чувстве вины, которое будто прилипло к моей коже. К тому же чувство вины сопровождается шоком, который немного притупляет остроту ощущений, но этот эффект может давать и успокоительное, из-за которого я все еще чувствую себя плохо.

– Что, черт возьми, ты сделал? – кричит Вульф на Джейса. – У нас же был план, а ты...

– Вульф! – останавливает его Джейс, и Вульф замолкает.

Потом их внимание переключается на меня.

– Кора? – Джейс протягивает руку и касается меня, но я отшатываюсь от его прикосновения и прижимаюсь к окну.

Я убила человека.

Я все еще слышу звенящий треск после выстрела. Вижу последнюю вспышку жизни того парня, его глаза в зеркале заднего вида и кровь на стекле.

Я смотрю на спинку кресла Вульфа, не в силах встретиться взглядом ни с кем из них. Джейс спокойным тоном объясняет, что произошло, но я стараюсь его не слушать.

Боже, что это за кошмар? Что мне теперь делать?

– Я должна сдать ся, – говорю я, не обращая внимания на теплые слезы, стекающие по моим пальцам, когда я вытираю глаза. – Вульф, поедem в полицейский участок?

– Черт возьми, нет! – вскрикивает Вульф. – Без обид, Кора, но если мы поедem в полицию, то, вероятно, все вернется на круги своя или закончится арестом.

– Но я же убила человека и заслуживаю того, чтобы сесть в тюрьму.

– Этого не будет, – морщится Джейс. – Цербер замнет это дело.

Я смотрю в лицо Джейсу, которое выглядит так же плохо, как я себя чувствую. На его лице царапины, а вся одежда в грязи и опавших листьях. Джинсы, которые на нем надеты, порваны на коленях, а края ткани пропитаны кровью.

– Ты этого не знаешь. Он легко может позвонить шерифу и повесить все это на меня.

– Он этого не сделает, – перебивает меня Вульф.

Я смотрю в окно и с удивлением замечаю, что машина уже замедляет ход и мы въезжаем в знакомый мне район. Дома здесь не спутаешь ни с какими другими, как и большие ворота, которые открываются, когда мы подъезжаем ближе.

Вульф заезжает на подъездную дорожку и ждет, пока ворота за нами закроются, прежде чем заехать в гараж.

Парни выходят из машины и направляются в дом, а Вульф обходит ее, чтобы открыть мне дверь. Он разводит руки в стороны, приглашая меня в свои объятия. Меня не нужно просить

дважды, и я буквально запрыгиваю к нему на руки. От неожиданности он делает пару шагов назад, но, устояв на ногах, крепко обнимает меня. Рукой Вульф обхватывает мой затылок и прижимается губами к волосам:

– С тобой все в порядке?

– Я только что убила человека.

– Иногда такое случается, – хмыкает он.

Из моего рта вырывается недоверчивый смешок, и я откидываю голову назад.

– Просто случается?

– Ну да, – пожимает он плечами. – Иногда человеку приходится пройти через это.

Не в первый раз я удивляюсь тому, как, черт возьми, эти трое не решили убить меня в лесу. Для них это явно был один из вариантов. Сколько же людей они убили? Предполагаю, больше, чем было нужно.

Вульф отпускает меня, и я беру протянутую им руку. Мне хочется убедиться, что с Аполлоном и Джейсом все в порядке, но мой мозг все еще затуманен, хотя эффект от инъекции, сделанной мне Цербером, сходит на нет.

Когда мы входим в дом, я неожиданно для себя облегченно выдыхаю.

В последний раз, когда я была здесь, мы с Вульфом занимались сексом. А потом Аполлона подстрелили при попытке спасти меня от Кроноса. По моим ощущениям, с этих событий прошло несколько месяцев, но в то же время мне кажется, что все случилось всего несколько дней назад. Я просто Хаос.

На первый взгляд, за время моего отсутствия в доме ничего не изменилось, за исключением того, что на приставном столике в прихожей прибавилось еще несколько единиц оружия. Когда я вижу его, я непроизвольно думаю о том, что скоро нам стоит ждать новых неприятностей. Что помешает Церберу ворваться сюда и забрать меня обратно?

Мы идем в кабинет, где нас уже ждут Аполлон и Джейс. В руках у последнего салфетка, которой он протирает лицо и шею. Как только мы присоединяемся к ним, он протягивает мне такую же. Я промокаю этой салфеткой рот, а затем комкаю в руке. Чтобы избавиться от неприятного ощущения на моей коже, мне нужен обжигающе горячий душ, а не какая-то салфетка.

– Больно? – Аполлон, сидящий на диване, наклоняется вперед, пытаясь поймать мой взгляд, который я отвожу.

При воспоминании о том, как он пытался добраться до меня в больнице, а Адские псы его избили, у меня возникает непреодолимое желание забраться к нему на колени и обнять его. Меня переполняет стыд за то, что он прошел через эту боль из-за меня, но также этот стыд не дает мне пошевелиться, поэтому я лишь медленно качаю головой.

– Он чем-то накачал меня, и оно заглушает боль.

В ответ на мои слова Вульф втягивает в себя воздух, но не отходит от дверного проема.

Почему он так себя ведет? Потому что знает, что подсознательно я уже планирую побег?

– Мне не следует здесь оставаться. – Я заставляю себя повернуться к Джейсу. – Ребята, какого черта вы рискнули пойти против Адских гончих ради меня?

– Мы не собирались идти против них, – говорит Вульф.

– Так вы всерьез собирались присоединиться к ним?

Ну конечно. Что они могли планировать сделать, кроме как отдать себя обратно в лапы Церберу, после такого усердного труда над своим освобождением? Они собирались бросить все, что строили, из-за одного опрометчивого решения, и это выводит меня из себя еще больше.

Я разворачиваюсь:

– Какие же вы придурки! Это самая идиотская и глупая идея, которую я когда-либо слышала.

Мне не дают договорить руки, которые обхватывают меня сзади.

– Дыши, – говорит Аполлон мне на ухо, притягивая к своей груди.

– Я не хочу дышать... я хочу... – всхлипываю я.

Его объятие окончательно добивает меня, и мои колени подгибаются. Мы опускаемся на пол, и я сжимаю его руки, пока Аполлон не поворачивает меня лицом к себе и не сажает на свои колени. Я обвиваю руками его шею и утыкаюсь лицом в грудь.

Я не могу вернуться домой и не стану втягивать в это своих родителей. Тем более когда я узнала, как грязно воюют банды. Также я не могу вернуться в свою маленькую квартирку. Я даже не уверена, что мой домовладелец пустил бы меня обратно. А университет и Марли – это часть моей жизни сгорела в огне. Я уже пропустила две недели занятий, так что даже если бы захотела вернуться...

– Когда ты ела в последний раз? – Большой палец Аполлона скользит по обнаженной коже чуть выше пояса моих брюк.

От его прикосновений по моим рукам ползут мурашки и жар пронзает меня насквозь. Сейчас совершенно не то время для такой реакции, но я хочу оседлать его немедленно. Внезапно в моем животе урчит, и я рада охватившему меня смущению, потому что не собираюсь говорить Аполлону, что не могу здраво мыслить, когда он вот так прикасается ко мне. Его прикосновения достаточно невинны, а вот мой разум чертовски грязен.

– Раз Цербер чем-то ее накачал, – говорит Джейс, – еда и вода должны помочь.

Я вздрагиваю, а его тон не терпит возражений, поэтому Аполлон поднимает меня на руки и переносит на диван. Мой взгляд задерживается на его легкой прихрамывающей походке, когда он выходит из комнаты, а потом я под внимательным взглядом Вульфа и Джейса осторожно подтягиваю под себя ноги. Обменявшись взглядами, они расходятся. Джейс садится на другую сторону Г-образного дивана и кладет локти на колени, а Вульф протягивает мне снятое со спинки кресла одеяло, но остается стоять.

– Куда вы ездили с Цербером утром? – спрашивает Вульф. – После того как мы встретились в клубе.

– Э-э-э... в тот дом, – сглатываю я. – В дом, в котором Кронос пытался...

– ...сжечь тебя заживо, – заканчивает за меня Джейс. – Он сказал тебе, зачем вы туда едете?

– Я не знала, куда мы направляемся, пока мы не оказались возле того дома.

Видеть этот обугленный дом было пыткой. Если бы тот человек не спас меня... Мои глаза наполняются слезами при мысли о том, как все могло для меня закончиться, и я прижимаю к ним тыльные стороны ладоней. Я не хочу снова плакать. Создается такое впечатление, что все, что я делаю по жизни, – это плыву по течению и плачу, позволяя причинять мне боль. Мой контроль был подорван в тот момент, когда на джип Джейса напали и меня похитили.

Кстати, об этом...

– Как же ты выжил? – Я опускаю руки и смотрю на Джейса, пытаюсь понять, смогу ли я определить, есть ли у него травмы.

Вульф сказал мне, что он такой же ворчливый, как обычно, но мне он таковым не кажется. Он не ворчливый, а беспокойный, о чем говорят морщинки вокруг его глаз. Он вытащил меня из движущейся машины меньше часа назад для того, чтобы спасти нас от катастрофы. И все же эхо выстрела, которое я слышала, когда люди Кроноса сажали меня в грузовик, все еще звенит у меня в ушах.

– Они же стреляли в тебя.

Джейс проводит рукой по лицу:

– Нет, не стреляли. Я пришел в сознание и выбил переднее лобовое стекло, пока ты боролась с ними, но не успел вовремя выбраться. Когда я разделался с Титанами, ты уже была в грузовике. Я пытался добраться до тебя, Кора, но не смог. – Он встречается со мной взглядом. – Мне очень жаль.

– Я просидела в запертой комнате пять дней, думая, что ты мертв.

Я не уверена, откуда взялся мой гнев, но он возник внезапно, словно молния в небе. Меня пронзает злость на то, что я потратила так много времени, беспокоясь о ерунде. Еще я злилась на Кроноса за то, что он позволил мне думать, что Джейс мертв, хотя в глубине души я знала, что это не так. Но в этом не было вины Джейса. Я могла бы верить в лучшее, в то, что он жив, но вместо этого я горевала по его кончине.

Мои руки дрожат, и я встряхиваю ими, понимая, что эмоционально выжата. Мне нужны сон, еда, а вовсе не чувство того, что за мной гонятся демоны.

– А ты, Аполлон, – обращаюсь я к вернувшемуся в комнату Аполлону. – Из-за меня в тебя стреляли. Из-за меня вы оба находились на грани жизни и смерти, и все еще заботитесь обо мне?

– Огнестрельное ранение меня не остановит, – говорит Аполлон, принесший с собой ярко-желтый пакет чипсов и тарелку со множеством бутербродов с арахисовым маслом и джемом, которую ставит на подушку рядом со мной.

– Потребовалась лишь небольшая операция. Да и зашили меня просто отлично.

– Вчера ты выглядел неважно.

Я скрещиваю руки на груди, не обращая внимания на разрывающийся в моем желудке голод.

Я не стою такого риска. Они не должны были меня спасать.

– Это не твоя вина. – Аполлон опускается передо мной на колени и берет меня за руку. – Мы не собирались тебя бросать, ясно? Так что выброси эту мысль из головы. Это было наше совместное решение, так что давай больше не будем говорить об этом. А теперь, пожалуйста, Кора, ешь.

Словно решив, что я забыла, как это делается, он берет половинку бутерброда и откусывает от него.

Совместное решение.

Я не знаю, чувствую ли я себя лучше от его слов.

Вздыхая, беру в руки бутерброд. Это одно из тех блюд, которые я могу есть постоянно, что и делала, когда у меня был ограниченный бюджет. Благо эта еда мне совершенно не надоедала.

Рядом со мной волшебным образом появляется бутылка с водой. И после того как я доедаю свою половину бутерброда, выпиваю большую часть бутылки. Мое горло все еще болит после интубации, но постепенно я прихожу к выводу, что все, что я сделала сегодня, было правильно. Я должна была убежать от Адских гончих. И теперь мне предстоит либо рационально посмотреть на вещи, либо уничтожить себя в потоке вины. *Хороший выбор, ничего не скажешь.*

– Итак, у нас несколько проблем. – Аполлон поднимает руку и начинает загибать пальцы. – Первая – нам нужно выяснить, что Цербер хочет от Кору. К тому же у него новая должность в мэрии. Как он вообще связался с мэром?

– И почему он притащил Кору на пресс-конференцию, – добавляет Джейс.

Слушая их разговор, понимаю, как давно я их не видела, но у меня нет времени наслаждаться этим моментом. Потому что есть свои собственные проблемы, в решении которых нужна помощь.

– Вы знаете, что я была в том пожаре?

Аполлон прищуривает глаза, снова обхватывая руками мои бедра. Он не сдвинулся с места и, кажется, совсем не удивлен. Кто-то должен был сказать ему, что я попала в больницу из-за отравления дымом. Возможно, та медсестра или даже Цербер. Он точно мог рассказать это ребятам.

– Я попала туда, потому что Кронос пытался убить меня, – нервно смеюсь и откусываю еще один кусочек бутерброда. – Но я не выбралась оттуда самостоятельно. Кто-то вытащил меня из этого дома.

Джейс отворачивается и потирает лицо.

– Ну-ка, повтори. – Вульф тянет ко мне руку, опуская половинку бутерброда, которую я собиралась откусить, и его брови ползут вверх. – Кто тебя спас?

Мое лицо, наверно, сейчас стало пунцовым.

– Я не знаю.

– Хорошо, мы вернемся к этому вопросу, – вздыхает Джейс. – Давайте не забывать про наши проблемы с джипом.

– А что с ним? – настала моя очередь прийти в замешательство.

Аполлон рядом со мной открывает пакет с чипсами. Он предлагает чипсы мне, но я качаю головой, а затем кладу одну штучку ему в рот.

– После того как тебя забрали, Титаны подбросили в машину наркотики. Ну и вкупе с несколькими трупами, оставленными позади себя Джейсом... В общем, последнюю неделю или около того Управление по борьбе с наркотиками пыталось что-то разнюхать.

– Джип был зарегистрирован на компанию-однодневку, – говорит Вульф. – Мы так поступаем с большей частью ценных вещей.

– Что-то типа подставной компании? – удивленно спрашиваю я.

– Вроде того, только мы не отмываем с помощью этих компаний деньги, а просто используем их для защиты наших активов, – объясняет Джейс. – В офисе шерифа у нас есть несколько доверенных лиц, которые разбираются с этим. И к тому же наши однодневные компании помогают скрывать наши личности, но если Управление по борьбе с наркотиками продолжит свое расследование, то смею предположить, что в конце концов они нас обнаружат. – Выражение его лица мрачнеет.

– Когда это произойдет, тогда мы и будем разбираться, но сейчас это не так важно, как твоя история. Так что давай послушаем ее с самого начала, – говорит Вульф.

Я делаю глоток воды, а затем закрываю бутылку и отставляю ее в сторону. Рассказ о произошедшем не должен быть сложным, потому что мне просто нужно изложить им факты, что я и делаю. Я рассказываю, как Кронос держал меня запертой в комнате несколько дней, кормя пищей, напичканной наркотиками, пока не пришло время аукциона. Я рассказываю о ярком свете, о камере и о шерифе Брэдшоу.

– Ублюдок. – Вульф встает с дивана и начинает ходить взад-вперед. – Он был там и видел тебя.

– Пока аукцион не закончился, мне казалось, его не волновало то, что я нахожусь там. – Прикусываю зубами нижнюю губу. – А потом он дал нож, который помог мне.

Мои слова снова привлекают их внимание, хотя я не уверена, что оно когда-нибудь ослаблялось. Аполлон продолжает сидеть рядом со мной, Джейс пристроился на противоположной стороне дивана, а Вульф стоит перед нами. Они настолько напряжены, что мне приходится выбирать слова, когда я рассказываю о прошедших днях. Конечно, они не будут плакать из-за той боли, которую я перенесла, а вот мои глаза все еще горят после недавнего срыва. Я промокаю нос краем рубашки, сглатывая внезапно появившийся комок в горле.

– Кронос держал меня за городом. – Я потираю клеймо на своем запястье, обводя контур большим пальцем.

Прикасаюсь к нему, когда я нервничаю, быстро стало дурной привычкой, ведь клеймо – своего рода болезненное напоминание о том, через что мне пришлось пройти.

– Как только сделка, если это можно так назвать, была завершена, он сказал мне, что мы отправляемся в нейтральное место для ее завершения.

– И они отвезли тебя в тот дом университетского братства? – спрашивает Джейс.

Я перевожу взгляд с него на Вульфа, все еще расхаживающего по комнате, а затем на Аполлона. Похоже, они борются с гневом, пылающим в их сердцах, но только не Джейс. Он пытается проанализировать и осмыслить события последних двух недель.

Двух недель, одну из которых против своей воли я провела во сне.

– Сейчас ноябрь? – внезапно спрашиваю я, и Аполлон хмурится.

– Да, – отвечает он, и я дрожу, услышав ответ.

Как я могла пропустить похолодание? Пропустить смену цвета и опадание листьев? Как я могла пропустить Хэллоуин? Эти мысли заставляют меня задуматься о том, пропустили ли его ребята или они приостановили свои поиски, чтобы отпраздновать темный праздник. Мне до боли хочется назад, вернуть время, которое утекло прямо сквозь мои пальцы. Мне хочется пережить драгоценные минуты и секунды, которые у меня отняли.

– Они привязали меня к стулу в подвале, – продолжила говорить я, боясь, что если сейчас замолчу, то больше не смогу вымолвить ни слова. – Именно там Кронос сказал мне, что Цербер выиграл аукцион. Он признался, что Цербер тот человек, которого он ненавидит больше, чем вас троих. Потом я услышала какой-то щелчок, и он облил заднюю стену бензином. Думаю, Кронос хотел, чтобы я умирала как можно более мучительно в качестве расплаты.

Рука Аполлона скользит в мою, и я крепко сжимаю ее в ответ.

– Продолжай, – призывает Джейс.

Мне приходится напоминать себе, что теперь я в безопасности и могу свободно дышать, но если я вдыхаю слишком глубоко – мне кажется, я все еще чувствую запах дыма, который проникает не только в легкие, но и въелся в волосы и кожу. Возможно, это всего лишь игра воображения, а вдруг все на самом деле обстоит именно так и этот дым, словно воспоминания о произошедших событиях, прячется во мне?

Теперь ни глубокие вдохи, ни рука Аполлона не успокаивают мое бешено колотящееся сердце. Меня захлестывает паника, и я не могу помешать ей, но все же продолжаю говорить:

– Шериф дал мне тот нож, чтобы я могла освободиться, но дверь наверху была заперта, а в помещении было слишком много дыма. Я не могла ни выбраться, ни смириться с тем, что скоро умру.

Наконец я озвучила ужасную правду.

– Но потом дверь открылась, и меня вынесли из подвала... – говорю я почти шепотом. – Я не знаю, кем был мой спаситель, потому что меня вырубил прежде, чем я успела посмотреть на него. А следующее, что я помню, – это мое пробуждение в больнице. Кронос передал контракт Церберу, поэтому он уже там начал контролировать мою жизнь. Меня не только интубировали, но и еще я думаю, что это по его приказу меня держали в медикаментозной коме несколько дней. – При воспоминании о трубке в моем горле я вздрагиваю. – Я больше не хочу, чтобы кто-то имел надо мной такую власть, понимаете? Вот почему я вытащила твой пистолет, Джейс. – Я встречаюсь с ним взглядом. – Я не хотела никого убивать, но я не могла позволить, чтобы мы, все четверо, оказались под каблуком у Цербера.

– Так он специально накачивал тебя успокоительным? – рычит Вульф. – Черт, я собираюсь убить его на хрен!

– Ты этого не сделаешь, – тихо говорит Джейс. – Сейчас он окружен слишком большим вниманием.

– Мне подойдет твоя дальнобойная винтовка, – говорит Вульф, приподняв брови. – Или ты не думаешь, что он заслуживает пулю между глаз? Мы пристрелим его на расстоянии, и никто ничего не узнает.

– Ну конечно, никто же нас не заподозрит. – Аполлон закатывает глаза. – Чувак, будь умнее.

– Но, – я оглядываю комнату, – здесь мне тоже небезопасно. Особенно после того, что произошло сегодня, и я убила...

– Они ничего не сделают! – перебивает меня Джейс.

– Убила Адскую гончую, – заканчиваю я, потому что должна была сказать это вслух, но от меня не ускользает, что Джейс морщится, услышав это.

На самом деле даже он не знает, как отреагирует Цербер.

– Если он решит изменить свои намерения касательно меня и затащит обратно в ад, чтобы накачивать успокоительными до тех пор, пока...

Вечность кажется ужасно долгим сроком.

– Здесь ты в безопасности, – говорит Джейс. – Они не посмеют войти на нашу территорию.

– Но они уже это делали, разве ты не помнишь? – усмехаюсь я.

Я помню тот день, когда Титаны въехали вслед за мной и Вульфом на подъездную дорожку. В тот день была взломана система безопасности, и несмотря на то, что теперь ребята уделяли безопасности больше внимания, я все равно не могла избавиться от ощущения, что за нами наблюдают.

– Он прав, – говорит Вульф. – Мой отец крупный засранец, но он не стал бы нарушать наше перемирие только для того, чтобы забрать тебя. Он не настолько глуп.

– Он предпочел бы, – вздыхает Аполлон, – чтобы это было твое решение.

Неужели они серьезно?

Я смотрю на Аполлона, Джейса и, наконец, на Вульфа.

– Так вот как это будет? Манипулирование?

Вульф предупредил меня о том, что для его отца весь мир – средство манипулирования.

– Да, – отвечает Вульф, проводя рукой по лицу. – Но чтобы придумать достаточно умную уловку, ему потребуется некоторое время. Они не схватят тебя ни с того ни с сего. Поэтому у нас в запасе есть несколько дней.

– А Кронос?

– Кронос? – хмыкает Джейс. – После того как его план провалился, он скрывается, словно крыса. И я сомневаюсь, что мы увидим его в ближайшее время.

Я выдыхаю, чувствуя облегчение, а Аполлон внезапно встает с дивана и берет меня за руки, помогая подняться:

– Пойдем, Кора.

Я беспрекословно иду с ним, но, проходя мимо Вульфа, замечаю, что кончики его ушей покраснели и он отвернулся. Мне кажется, что он перестал быть похожим на самого себя, а мне потребовалось слишком много времени, чтобы заметить, что что-то не так. Чувствуя беспокойство, я почти останавливаюсь, чтобы спросить его, что случилось, но не успеваю этого сделать, потому что Аполлон увлекает меня за собой наверх по лестнице.

– Куда мы идем? – спрашиваю я, но он не отвечает, а через пару минут мы оказываемся на втором этаже.

Аполлон ведет меня в мою спальню, которую я не узнаю. Я уже начинала привыкать к неприятным зеленым цветам и цветочному принту, но теперь их больше нет.

– Что здесь произошло? – спрашиваю я, резко останавливаясь, а Аполлон в ответ лишь пожимает плечами.

– Небольшой косметический ремонт, не волнуйся.

Я оглядываю кремовые, розовые и угольно-серые оттенки на стенах и понимаю, что этот «небольшой косметический ремонт» изменил всю цветовую гамму комнаты. Я понятия не имею, почему они это сделали, если только не хотели стереть меня из своей памяти.

Тогда бы они не вернулись за тобой.

– Тебе нравится?

Я встречаюсь с ним взглядом и медленно киваю:

– Да.

– Хорошо! – Он выдыхает, будто беспокоился, что изменения могут мне не понравиться.

Дав мне еще пару минут, Аполлон кивает головой в сторону ванной и закрывает дверь в спальню.

Я вхожу в ванную и разворачиваюсь как раз в то время, когда он закрывает за нами и эту дверь. Заперев ее на замок, Аполлон подмигивает мне и, зайдя в кабинку, включает воду. Мы молча стоим рядом и смотрим друг на друга, пока нагревается вода. Довольно скоро из душа начинает валить пар и зеркало запотеваает. Только тогда я начинаю чувствовать себя в достаточной безопасности, чтобы повернуться и опереться руками о столешницу. Я не могу смотреть в зеркало, потому что боюсь увидеть синяки или кровь на своей коже. Вообще, я избегала смотреть на себя с тех пор, как выписалась из больницы. Разве это не печально? Я не могла вынести того, что сделал со мной огонь, неделя, проведенная с Кроносом, или дни без сознания. Все говорят мне, что я боец, но я чувствую себя совершенно иначе. Я прячусь от своих страхов, сжимаясь под давлением обстоятельств. Когда взорвался мотоцикл Аполлона, я перестала ходить в университет. Сбежала из своего родного города, чтобы больше не встречаться со своим бывшим жестоким парнем, и застрелила человека, чтобы избежать попадания под власть Цербера.

Поэтому вместо того, чтобы разглядывать свое отражение в запотевшем зеркале, я опускаю взгляд на столешницу. На ней все еще лежат моя косметичка, расческа для волос, зубная щетка с зубной пастой и дезодорант. Все эти вещи находятся именно там, где я их оставила, но не могу избавиться от чувства, будто все это не мое. Словно я уже совсем не та, кем была раньше.

Но кем я стала?

Подойдя ко мне сзади, Аполлон осторожно освобождает мои волосы от резинки и проводит пальцами по спутанным прядям, осторожно убирая из них кусочки листьев и сосновых иголок, и кладет их на столешницу рядом с моей рукой.

– Знаешь, что мне нравится в тебе больше всего, Кора Синклер?

Я пожимаю плечом в немом вопросе.

– Ты жизнерадостная.

– Ну конечно... – Я закатываю глаза. – Думаю, скорее, совсем наоборот.

Аполлон берет расческу и медленно проводит ею по кончикам моих волос, поднимаясь все выше, к корням. Мои глаза медленно закрываются, и я позволяю себе расслабиться. Я не помню, когда в последний раз кто-то расчесывал мои волосы, не считая девушки, которую насильно выдали замуж за Титана, или женщины, которая вошла в комнату перед нашим отъездом на пресс-конференцию и грубо собрала мои волосы в низкий конский хвост.

Аполлон попеременно проводит по моим волосам то рукой, то расческой, и когда его ногти касаются моей головы, я издаю одобрительный стон. Он зарождается где-то в глубине моего горла и просто выскальзывает наружу, а когда ногти Аполлона снова касаются моей головы, я уже не хочу сдерживать свои стоны.

– Продолжай издавать эти звуки, детка, и мой самоконтроль вылетит в трубу.

Когда я слышу его голос рядом с моим ухом, я откидываю голову назад.

– А что, если я хочу, чтобы ты потерял контроль?

– Футболка. – Хрипло произносит он, приподнимая подол.

Я поднимаю руки, позволяя ему снять с меня футболку, и он швыряет ее куда-то за свою спину.

Аполлон опускается на колени и стягивает с меня брюки, которые я тоже сбрасываю без тени сомнения. Оставшись в нижнем белье, поворачиваюсь к нему, но обнаруживаю, что он стоит всего в нескольких сантиметрах от меня. Я не предпринимаю никаких попыток прикоснуться к нему, хотя на самом деле чертовски этого хочу.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я.

– Отправляю тебя в душ.

– Ну да, – язвительно говорю я, и он улыбается, стаскивая с себя футболку.

Поперек его живота я вижу неровный розовый шрам.

– Вчера мне сняли швы – вот почему я был в больнице.

– Тебе ставили капельницу, – вспоминаю я.

– У меня было обезвоживание.

Прикусываю нижнюю губу и неуверенно протягиваю руку, чтобы прикоснуться к его животу, и мой палец скользит прямо под линией шрама.

– Я ожидала увидеть круглый шрам от пули.

– Им пришлось вскрыть меня, потому что были некоторые внутренние проблемы, но сейчас беспокоиться не о чем. – Он ловит мою руку и подносит ее к своим губам, целуя пальцы. – Доктор приказал залечь на дно и сказал, что я выживу. Так что, думаю, шансы у меня неплохие.

– Мне все так надоело, – говорю я, опуская голову.

– Знаю, но так будет не всегда.

Аполлон открывает дверь в душ, и на меня обрушивается волна горячего воздуха.

Я завожу руки за спину и расстегиваю бюстгальтер. Бретельки соскальзывают с моих плеч, и я роняю его на пол, игнорируя то, как загорается взгляд Аполлона, задерживаясь на моей груди. К бюстгальтеру присоединяются трусики, и я задумываюсь, что не чувствую себя уродкой, обнажаясь перед Аполлоном, хотя, возможно, мой вид может его отпугнуть. Я снова похудела настолько, что у меня выступают ребра, и могу поспорить, что под моими глазами залегли тени.

– Ты прекрасна, – шепчет Аполлон.

Его мнение противоположно моему, но именно эти слова мне нужно сейчас слышать.

Мне нечего терять, и я не знаю, почему эта мысль, пришедшая мне в голову, практически выводит меня из равновесия. Мне надоело быть напуганной, беззащитной и беспомощной. В кои-то веки я хочу просто протянуть руку и взять то, чего желаю. И прямо сейчас это Аполлон.

Я чувствую, как мои щеки краснеют, будто объятые пламенем, а в моей голове всплывает воспоминание о том, как Аполлон держал меня за горло, пока Вульф...

Мне приходится сжать бедра, пока я указываю ему на брюки.

– Ты обычно принимаешь душ одетым или снимаешь их?

– Ты хочешь, чтобы я присоединился к тебе? – спрашивает он хриплым голосом, и я киваю.

– Если только не хочешь, чтобы кто-то другой занял твое место.

Мои слова – это пустая угроза, но его глаза все равно темнеют. Аполлон растягивает ширинку на своих джинсах и стягивает их вниз. Отбрасывает их ногой в сторону и обнимает меня, затаскивая под душ.

Сначала нас окутывает пар, а вода оказывается настолько горячей, что мне почти больно, но она расслабляет мои мышцы. А потом рука Аполлона обхватывает мое горло. Я вздрагиваю, но его хватка на моей шее не ослабевает. Прохлада его ладони контрастирует с горячей водой, и я сглатываю, когда по моей коже начинают бегать мурашки.

– Ты хочешь, чтобы с тобой был кто-то еще? Возможно, Вульф?

Мои лопатки касаются прохладного кафеля душевой кабины, и я встречаюсь с ним взглядом:

– Нет.

– Тогда чего ты хочешь, Кора?

– Разве это не очевидно? – ухмыляюсь я.

– Все равно скажи мне.

– Я хочу тебя. Хочу чувствовать тебя внутри себя и снаружи.

Эти слова не кажутся мне моими, но у моего мозга нет времени подумать над этим, потому что между моих ног бьется желание, которое берет надо мной верх. Я держу Аполлона

за запястье и, убирая его ладонь со своей шеи, тяну вниз. Провожу его рукой между моих грудей, по животу, направляя вниз, к моей горячей сердцевине. Мы оба своими пальцами чувствуем, насколько я мокрая, и Аполлон издает стон.

– Мы только что тебя вернули. Час назад я видел, как вы с Джейсом выпрыгивали из движущегося автомобиля.

Другой рукой Аполлон скользит вверх, по моим ребрам, не пропуская ни одно из болезненных мест, которые к завтрашнему дню потемнеют и превратятся в синяки. Но меня это не волнует.

– Пожалуйста.

Он сгибает наши пальцы, проводя ими по моему клитору, а затем убирает свою руку и подносит ее к лицу. Я восхищенно наблюдаю, как его язык ласкает собственный палец, пробуя меня на вкус.

– Ты такая же сладкая, какой я тебя помню, и я собираюсь снова почувствовать этот вкус на своем языке.

– Позже, – обещаю я и тянусь к его члену, который уже стал твердым.

Я поглаживаю его нежную кожу, и Аполлон издает еще один стон:

– Ты буквально разрушаешь мою сдержанность.

Сжав его член, я дергаю рукой по направлению к себе, будто могу использовать его как рычаг, чтобы заставить Аполлона подойти ближе. Сейчас между нами слишком большое расстояние, поэтому он делает шаг ко мне. В этот момент мне кажется, что в этом мире существуем только мы, и я бы не хотела, чтобы было по-другому. Наши тела окутывает пар, ограждая нас от всего, что находится за пределами этой ванной комнаты.

Аполлон убирает мою руку от своего члена, а затем скользит своей рукой вниз по моим бедрам. Он хватает меня за задницу и приподнимает, слегка постанывая. Моя спина упирается в стену, и я обхватываю ногами его бедра. Легкая боль, которую я чувствую в своих горячих мышцах, гарантирует мне, что сейчас я нахожусь не в фантазии, а в реальном мире.

Аполлон просовывает одну руку мне за спину, а другой упирается в стену рядом с моей головой.

– Войди в меня! – умоляю я, чувствуя, как головка его члена скользит по моим складочкам.

Он дразнит меня так несколько раз, и я втягиваю воздух, впиваясь ногтями в его плечи.

– Мне нравится, когда ты умоляешь, – признается он. – Нравится смотреть на твое лицо и видеть, как ты возбуждаешься, когда я делаю это.

Он повторяет то же движение, только на этот раз головка его члена скользит по моему клитору. От ощущения, которое пронзает меня, у меня почти закатываются глаза, но тут его губы касаются моего уха.

– Я хочу слышать твои мольбы, – говорит он, и в кои-то веки слова даются мне очень легко.

– Аполлон, пожалуйста, перестань меня мучить. – Я сжимаю его плечи еще крепче, заглядывая в глаза.

Мои губы приоткрываются, когда он входит в меня всего на дюйм и снова выходит.

– Пожалуйста, трахни меня! Заставь меня забыть последние две недели.

– У тебя грязный ротик, – говорит он, целуя уголок моего рта.

Его большой палец прижимается к моей нижней губе, и я приоткрываю рот, лаская его палец языком, а затем сжимаю зубами. Тяжело дыша, Аполлон смотрит на мои губы, а я двигаю бедрами, пытаюсь заставить его войти глубже.

– Пожалуйста, – шепчу я, но он лишь ухмыляется.

– Только не давай мне никаких обещаний. – Он наклоняется и кусает меня за горло, будто наказывая, но из-за его укуса по моему телу разливается жар.

Он загорается прямо в моем горле, направляясь напрямиком к влагалищу.

– Тебе же это нравится? Сочетание боли и удовольствия? – спрашивает Аполлон и без предупреждения входит в меня.

Я вскрикиваю и не пытаюсь приглушить звук, не забывая о том, что кто-то может меня услышать. Мои нервы на пределе, и то, как он неожиданно наполнил мое естество, подталкивает меня к краю. Я пытаюсь заставить его двигаться, но Аполлон лишь остается внутри меня, в то время как его руки скользят вверх и вниз по моему телу. Он прокладывает дорожку поцелуев вверх по моей шее, направляясь к уху, и втягивает мочку в рот. Пока он продолжает посасывать и покусывать кожу, из моего рта вырываются лишь непонятные бормотания, например «пожалуйста» и «о боже».

Он обхватывает ладонями мои груди, пощипывая пальцами соски, и я выгибаюсь ему навстречу, задыхаясь от нехватки воздуха. Это не секс, а прекрасная агония.

– Хватит пыток, – шепчу я.

Аполлон поднимает голову и несколько мгновений изучает мое лицо, прежде чем кивнуть и обнять меня крепче. Внезапно он начинает двигаться. Медленно. Практически полностью выходя и снова входя в меня. Удовольствие сотрясает мое тело, и я еще крепче сжимаю его плечи. Упираюсь головой в кафель и понимаю, что он трахает меня так, словно ждал этого неделями. Наша кожа соприкасается с особым звуком, и меня переполняет удовольствие.

– Черт, ты прекрасна, – говорит он, наклоняясь и втягивая в рот мой сосок.

Мои губы приоткрываются, когда я чувствую, как от моих бугорков к сердцевине будто проходят электрические разряды наслаждения. Чувствуя мою ответную реакцию, Аполлон сменяет губы зубами и теперь то покусывает, то посасывает мои соски. Я запускаю пальцы в его волосы, удерживая его лицо напротив моей груди. Наши сердца бьются в унисон, а ощущение приближения оргазма нарастает и нарастает. Внезапно Аполлон опускает руку между нашими телами и пальцем нажимает на мой клитор. Он щиплет средоточие моего удовольствия, используя боль, чтобы усилить мои ощущения. И этого достаточно для того, чтобы я потеряла контроль. Я снова кричу, чувствуя, что подхожу к краю. Каждая мышца в моем теле напрягается, но он безжалостно продолжает терзать меня, пока сам не начинает задыхаться и не замирает, пульсируя внутри меня. Мы кончаем одновременно, и Аполлон впивается зубами в мое плечо.

– Срань Господня! – шепчу я, извиваясь под ним, не в силах игнорировать то, что он все еще находится внутри меня.

Мы оба дышим так, словно пробежали марафон, а потом Аполлон осторожно обхватывает меня за бедра и приподнимает, выскальзывая из моей киски. Как только я снова встаю на ноги и прислоняюсь к стене – я чувствую, как на меня обрушивается пустота.

Вот и все, а мы даже ни разу не поцеловались.

Глава 7. Кора

После душа, в котором Аполлон основательно вымыл каждый дюйм моего тела, он закутывает меня в халат, а сам выскальзывает из комнаты. Сейчас на нем только полотенце, и он идет в свою комнату, чтобы одеться. Я плюхаюсь на кровать и, заинтересовавшись декоративными подушками, лежащими над моей головой, провожу пальцем по их гофрированной поверхности. Темно-розовый цвет, выбранный ребятами, действительно очень красивый.

Внезапно я замираю, потому что замечаю, что в центре пустой книжной полки шкафа лежит цветочная маска, цвета которой идеально соответствуют новому дизайну комнаты.

Я встаю с кровати и иду к шкафу, не в силах оторвать глаз от стеклянной коробочки, в которой на темно-коричневой бархатной подложке лежит маска Персефоны. Несмотря на то что цветы продолжают медленно высыхать, они выглядят все такими же нежными и хрупкими, как тогда, когда мне впервые подарили эту маску. Я изменилась точно так же, как и эта маска. Девушка, которая надела ее тогда на свое лицо, была напугана. Она думала о смерти, о Кроносе и о своем будущем, но не теряла надежды, что парни вытащат ее из этого ада. Она надеялась, что они остановят этот аукцион и, покончив с Кроносом и Титанами, освободят ее раз и навсегда. Какой же наивной мечтательницей она была.

Мне приходится остановить себя, потому что пальцы так и чешутся разбить стекло и снова надеть эту маску, чтобы посмотреть, вернется ли ко мне взгляд той девушки на мир. Взгляд, полный надежды и страха одновременно.

Итак, кем я стала?

Убийцей.

Аполлон позаботился о том, чтобы на моей коже не осталось следов крови, но, по правде говоря, это мало чем помогло. Мне все еще кажется, что я чувствую ее вкус на своих губах, а мои пальцы помнят тяжесть спускового крючка. Моя рука все еще чувствует отдачу от пистолета, и я не могу выбросить из головы картину, которая до сих пор стоит перед моими глазами: тело водителя, навалившееся на руль.

В следующей маске, которую я надену, непременно должны быть оттенки черного. Потому что именно в такие цвета окрашивается моя душа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.